

МАРГАРИТА МАЛИНИНА

**ДЕТЕКТИВ, ЮМОР,
ТРИЛЛЕР**

ЮЛЯ И КАТЯ: ПОРА БРАТЬСЯ ЗА РАССЛЕДОВАНИЕ

Маргарита Малинина
Имитируя визг
Серия «Юля и Катя: пора братья
за расследование», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42974666

Аннотация

Появившийся в городе серийный убийца в точности копирует экранного маньяка из нашумевшего триллера «Визг». Его жертвы плодятся, как грибы после дождя, и в какой-то момент студентка Юлия Образцова постигает ужасную истину: все убитые так или иначе связаны с ней! Круг начинает замыкаться, и самой последней жертвой по закону зародившейся системы должна будет стать именно Юля. Единственный для нее выход сохранить себе жизнь – вычислить убийцу быстрее, чем он доберется до нее.

Предыдущая версия романа издана под названием "Маркиз из сада" (ЭКСМО, 2013)

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	37
Глава 3	57
Глава 4	81
Глава 5	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Маргарита Малинина

Имитируя визг

Пролог

Они сильно опаздывали и потому ужасно спешили. Друзья – такая же молодая семейная пара, как и они сами, – ждали их к семи часам, а было уже восемь. Впрочем, никто не был виноват в том, что собственная машина не завелась, служба такси по телефону предложила ждать машину минимум двадцать минут, а поймать попутку в силу разыгравшегося не на шутку дождя было сверхсложно, практически нереально. Конечно, можно было плюнуть на все и вернуться домой, где уютно, сухо и тепло, позвонить друзьям и извиниться за то, что не смогут прийти в гости, но они так давно не собирались вместе! И им так хотелось отметить прошедший три дня назад Международный женский день по-человечески, а не так, как это было восьмого числа: соседи сверху залили все ниже расположенные этажи, и весь день прошел в выяснениях отношений, в которых с огромной радостью приняли участие абсолютно все жильцы подъезда, включая даже тех, кто, вообще-то, залит не был и кто ввиду этого ругался с особенной радостью.

Дождь лил как из ведра, размывая асфальт и образуя ги-

гантские лужи, и зонт уже не спасал от его нашествия. Промокшие до нитки, они шли по дороге, регулярно оглядываясь в надежде поймать все-таки частника или такси. Прическа, над которой молодая женщина колдовала весь день, постепенно опала и сейчас напоминала больше слипшуюся мокрую паклю, нежели волосы вообще.

– А завтра еще на работу, – понуро заметил Он, глядя себе под ноги, и робко предложил: – Может, вернемся?

Она не успела ничего ответить, ибо в мрачной дождевой завесе, точно маяк в бесконечном море посреди всепоглощающей тьмы, возник спасительный и столь долгожданный свет фар, а следом за ним – сам «Фольксваген Гольф» желтого цвета с черными шашечками, мягко движущийся прямехонько на молодую пару.

– Такси! – не сговариваясь, бросились они останавливать машину.

«Фольксваген» милостиво принял их в свое комфортное и теплое нутро.

– Как нам посчастливилось встретить вас! – благодарили они шофера, попутно рассказывая ему о своих злоключениях. – Вот повезло, так повезло!

Водитель был польщен и молча кивал в ответ.

Через три минуты пути, в течение которых дождь не то что не прекратился, а даже немного не сдавал свои позиции, продолжая идти стеной, они чуть не наехали на голосующего на дороге парня чудаковатого вида, которого по причине

ливневой завесы было довольно трудно разглядеть.

– На Сосновую, 3. Срочно, – попросил он и через мгновение оказался на переднем сиденье, рядом с водителем, потому как Сосновая улица была в нужной всем стороне. – Я так замерз... И писать хочу, – поведал страшную тайну спутникам (чем неимоверно их обрадовал) паренек, потирая ладонями озябшие ручки через длиннющие, свисающие далеко ниже этих самых ладоней рукава бесформенной кофты, сверху которой была надета не менее бесформенная футболка, а уже на нее было напялено что-то безрукавное и дутое, наподобие спасательного жилета.

«Что это за стиль такой – футболка сверху кофты с длинным рукавом? – возмущалась про себя Она, особа утонченная, стильная и тщательно следящая за своим туалетом. – А эта безрукавка, точно сшитая из резинового матраца? Полная безвкусица! И волосы дыбом. Панк, что ли? А зрачки-то какие странные, такие расширенные и точно выпученные. И дергается он все время... Неужели наркоман? – ахнула про себя девушка. – Говорят, они совсем за собой не следят. А брюки-то размера на три больше. Это тоже веяние моды? Или просто вследствие наркозависимости он так сильно похудел, а денег на новые нет?»

Она была старше этого парня на каких-то шесть лет, но между ними ощущалась пропасть в несколько веков. У нее – два высших образования, престижная работа, любящий и любимый муж, понимающие и заботливые родители. Прав-

да со свекровью отношения не сложились (а у кого они сложились?), да и детей Бог пока не дал. «У нас все впереди, — думала она об этом. — В конце концов, ребенок — это очень серьезный шаг, значит, Господь решил, что мы пока не готовы». Эта молодая женщина была олицетворением мудрости рядом с сидевшим впереди парнем. Совсем молодая, она набралась большого жизненного опыта, так как многое успела повидать в этой жизни — суровой, подчас бесчеловечной и чрезмерно любящей насмешки... Ничто не давалось ей просто так. Всего приходилось добиваться самой, прилежно учась, работая до седьмого пота и проявляя врожденную смекалку. Ошибаясь, в конце концов, и исправляя свои ошибки. Так, в общем-то, и дается опыт.

У него — каждый день тусовки, «отрывоны» с пацанами в клубах на, между прочим, «предковские» деньги. Свои-то заработать как-то не дано. Мало того, парень и учился-то через пень-колоду, «забывая» на лекции и оставляя после себя сплошные «хвосты» да незачеты, а впоследствии еле дотягивая на экзаменах до отметки «удовлетворительно».

Короче говоря, этих совершенно непохожих друг на друга людей объединяло лишь одно: они ехали в одной машине, в одно время и в одном направлении — в сторону улицы Сосновой.

Пользуясь тем, что словоохотливый парень доставал своей болтовней бедного водителя, которому и без того нелегко было ехать вследствие разыгравшейся непогоды, и все-

ми небесными силами пытался втянуть последнего в беседу, что гарантированно избавило бы парня от скуки, которой он на данный момент так болезненно маялся, Она, приблизившись к уху супруга, поведала ему о своих подозрениях относительно пристрастия этого пассажира к наркотическим средствам, о чем этот пассажир, как она и рассчитывала, не услышал.

Муж пожал плечами и шепнул:

– Не бойся. Даже если это и так и он решится ограбить нас, чтобы добыть себе очередную дозу, то все ж таки он один, а нас трое. Справимся как-нибудь.

Этот ответ его жену ненадолго, но успокоил, и она стала держаться увереннее.

Шофер, не знающий уже куда себя деть от этого незамолкающего чудака, вынужден был включить радио, дабы толковать, что никто этого навязчивого попутчика не намерен выслушивать, тем более что-то ему отвечать.

– Криминальные новости, – привычно загундосил диктор. – Сегодня около часа назад было совершено новое нападение маньяка по прозвищу Убийца в белой маске. Это произошло в местном филиале Московского государственного университета экономики. Одна девушка убита, другая тяжело ранена. Убийца скрылся с места происшествя до приезда полиции. Все подробности – в программе «Вести», сегодня в двадцать один тридцать.

– Безобразие, – непонятно о чем проворчал водитель так-

си. Впрочем, наверное, об убийстве.

– Действительно, – согласился Он, обняв жену покрепче. – Как можно поднять руку на женщину?

Чудак с переднего сиденья аж затрясся, услышав новости, чем навел на молодоженов определенные подозрения.

– А вдруг это... он? – как можно тише шепнула она супругу. В ее глазах отчетливо заплесало пламя страха.

Он ничего ей не ответил, а про себя подумал: «М-да, сходили в гости!»

Здесь парень в футболке поверх кофты и возможный убийца повернулся к супругам, поняв, что таксист не намерен с ним общаться, и решив попытать счастья у соседей сзади.

– Скока женаты?

– Почти три года, – с небольшой заминкой нехотя отозвались они. Открыто враждовать с потенциальным преступником, нарочито игнорируя его вопросы, не хотелось, а общаться с ним хотелось еще меньше.

Тут парень обратился конкретно к мужчине:

– Типа любовница есть у тя?

Они открыли рот: Она – от возмущения, Он – чтобы свое возмущение выразить вербально:

– Молодой человек, как вам не стыдно?

На что «молодой человек» тут же среагировал вот чем:

– Че, слабо с двумя-то, да? Ха-ха-ха! – Но, отсмеявшись, сделал попытку извиниться: – Тока, ребят, не дуйтесь, я ж

типа пошутил! А то скука смертная... – И, к величайшей радости, отвернулся к лобовому стеклу, над которым усиленно трудились «дворники». Впрочем, дождь уже постепенно снижал свои амбиции, мало-помалу из категории ливневых переходя в разряд грибных.

Им оставалось ехать всего несколько минут, когда, таращась через стекло на лесополосу, которую они проезжали, паренек не выдержал:

– Все, командир, не могу терпеть! Умираю, как писать хочу! Тормозни.

Ее прямо передернуло. Как можно так выражаться? В своем кругу ладно, но здесь незнакомые люди, к тому же не ровесники!

Но водитель никак не выразил свое негодование и покорно свернул в лес. Когда он поднес к губам бутылку, чтобы глотнуть бодрящей водицы, автомобиль высоко подпрыгнул на одной из кочек, и шофер, вместо того чтобы пить, пролил на себя часть воды, ругнувшись, а с панели слетела какая-то бумажка. Паренек наклонился, чтобы ее поднять, на мгновение его одежка задралась, а широкие штаны, наоборот, чуть сползли и...

Она резко вскрикнула, тыча холеным наманикюренным пальчиком в пистолет, торчавший из-за ремня его брюк. Выходило, что с подозрениями она не ошиблась, и им посчастливилось ехать в одном такси с убийцей. Что же теперь будет? Не зря ведь он заставил шофера свернуть в лес.

– А ну, дай сюда! – скомандовал мужчина за рулем и, получив от парня пистолет, повертел его в руках, после чего вернул владельцу, по-дурацки хмыкнув. Парень, засунув оружие обратно за ремень брюк, дождался, когда «Гольф» остановится, открыл дверь и пулей полетел в глубь леса. – У меня к вам небольшая просьба, – обернулся таксист к паре. – Я сильно намочил джинсы, чувствую дискомфорт. Не могли бы вы выйти из машины, пока я не переодену другие?

Молодые покорно покинули автомобиль и встали возле него, тактично смотря в другую сторону и дивясь про себя, как таксист мог так сильно намочить штаны и как часто это случается, ежели возит с собой сменные. Дождь, к счастью, уже перестал, только, когда дул ветер, немного капало с деревьев. Муж с женой подняли лица к небесам, удовлетворенно отметив, что тучи расползлись, оставив небо в первозданном чистом сине-голубом обличье, и жадно вдыхали свежий после минувшего дождя воздух.

– Слышала, что половина серийных убийц не достигла тридцатилетнего возраста. Может, этот парень и есть тот маньяк? – гнула Она свое, обращаясь одновременно и к мужу, и к водителю, менявшему мокрые джинсы на сухие в машине. – Давайте уедем, пока он не вернулся?

– Да какой он маньяк? – донеслось насмешливое из машины. – Кишка тонка.

– А как же пистолет?

– Ха, – вконец развеселился таксист. – Это всего лишь

зажигалка.

– И все-таки... Он такой неадекватный, дерганный и, по моему, конкретный наркоман.

– Да, – согласился муж, – такой вполне может убить, особенно, ради новой дозы. Да внешний вид у него, как у форменного маньяка.

– Да говорю вам: он не маньяк! – убежденность водителя «Фольксвагена» переросла в раздражение.

– Почему вы так уверены? – удивились супруги.

Дверь распахнулась, вышел таксист. На нем почему-то был надет темно-коричневый мешкообразный балахон, порезанный книзу бахромой, с капюшоном, надетым на голову, а на лицо была надвинута белая маска, изображавшая что-то ужасное, может, саму Смерть. Рука его замахнулась остро заточенным длинным разделочным ножом, когда он проговорил:

– Потому что **я** – маньяк!

Последним, о чем успела Она подумать, было то, что у них уже никогда не будет детей...

Глава 1

Три дня назад

– Юль, это тебя, – передала мне мама трубку.

– Алло.

– Привет! – Это был Димка Хромов, мой бывший одноклассник. С окончания школы прошло уже более полутора лет, но мы все равно регулярно перезванивались, потому как в школе неплохо дружили. – С Международным женским днем тебя!

– Спасибо. – Я только-только успела проснуться и умыться, потому сладко зевнула.

– Не разбудил? – услышал Дима смачный зев. – Я пытался сперва на мобильный дозвониться, но он недоступен.

– Я номер сменила.

Дима записал мой новый номер, после чего поинтересовался:

– Слушай, чего делаешь сегодня? Мне тут Усачев позвонил, оказывается, наши все сегодня на премьеру в кино собираются.

– Да? – равнодушно протянула я. Наш класс частенько куда-нибудь собирался, но куда – абсолютно не важно, так как цель всегда одна: после фильма (концерта, балета, музея, выставочного зала...) напиться в стельку и остаться ночевать

на лавочке у своего подъезда, ибо взобраться наверх в свои апартаменты задача в данном случае непосильная. А можно – на лавочке у чужого подъезда, и это считается даже круче. На самом деле, нет, конечно, ничего плохого в том, что ребята и после школы остались дружны и любят куда-нибудь выбраться все вместе, только я – убежденная трезвенница, так что сами понимаете причину моего скептицизма. – И где кино дают?

– Да в «Гиганте». Пойдешь?

– Смотря что будет после...

Димка хихикнул.

– После, конечно, что-то будет, но нам совершенно необязательно в этом участвовать. – Хромов не был бесповоротным трезвенником, как я, но также мог найти себе занятие поблагодороднее пьянки. – А фильм – зашибись, как утверждают посмотревшие.

– А жанр?

– Кровавый триллер. Про серийного маньяка-убийцу. По телику про эту премьеру все уши прожужжали.

Честно говоря, телевизор я не жалую и по собственной воле не включаю никогда, просто потому что не могу отыскать там ничего интересного лично для себя. Зато моя близкая подруга Катька просто помешана на этих триллерах и не включает телевизор оттого, что все ужастики ею уже неоднократно пересмотрены, так как она знакомится с ними еще на стадии кинопроката. Как-то раз отец попросил меня раз-

добыть что-нибудь посмотреть, и я обратилась к ней. В результате дома оказались фильмы со следующими названиями: «Хеллоуин», «Пятница, 13-е», «Пила», «Я знаю, что вы сделали прошлым летом», «Я все еще знаю, что вы сделали прошлым летом», «Я задолбался уже помнить, что вы натворили прошлым летом» и прочие в том духе. Отец, как выяснилось, такие фильмы не уважает, но мне неожиданно понравилось. Так что Дима, сам того не зная, меня заинтриговал.

– Как называется?

– «Визг 4». Может, слышала?

– «Визг»? Конечно. Только я думала, что это трилогия.

– Да, изначально их было три. Но совсем недавно сняли продолжение. А че? Фильм кассовый, людям нравится, так что, думаю, сиквелы будут снимать и снимать.

– Лады, уговорил. Пойду я на твоё кино. Во сколько?

– Сеанс в 17:00. В половине пятого буду у твоего подъезда.

Простившись, я шмякнула трубку и наконец-то отправилась завтракать.

До «Гиганта» – самого крупного в городе дворца культуры, совмещавшего в себе функции кинотеатра, – мы дошли за десять минут. Половина бывшего класса уже стояла на крылечке. Почти все курили, а некоторые умудрялись совмещать это наименее вредное для организма мероприятие с потягиванием пивка прямо из горла и приятельским щебетом,

насыщенным пикантными матерными словечками.

Таня Грачева, с которой я тоже немного дружила, такая же безумно рыжая и веснушчатая, с неизменной косой до пояса, тут же подскочила ко мне и весело чмокнула в щеку.

– Юлька, ты все такая же! Только куртка новая. Красная, короткая – блеск! Я себе тоже хочу новую куртку! Ты же раньше не носила броскую одежду? – слова выстреливали из подружки, как из автомата пули, я за полгода, что мы не виделись, успела от этого отвыкнуть, потому сейчас недовольно морщилась.

– Теперь ношу.

Сама Грачева одета была, страшно сказать, в ярко-желтое полупальто со стразами и ядовито-зеленым кокетливо повязанным вокруг шеи платком, что в сочетании с вышеозвученными рыжими волосами, фиолетовой юбкой, белыми шерстяными колготами и самыми настоящими ковбойскими сапогами привлекало много больше внимания, чем если бы она просто предстала на улице голой. Во втором случае прохожие одали бы ее неодобрительным взглядом и прошли бы мимо, а сейчас одни из них боязливо оглядывались через плечо, суеверно перекрещиваясь на скорую руку, иные же впадали в молчаливый ступор. Впрочем, Татьяна знала, что действует на толпу обескураживающе, однако искренне считала, что сим обязана своей писаной красоте, которую я, кстати отметить, в ней не наблюдала. Впрочем, о вкусах не спорят.

– А-а. А я теперь пиво люблю. Хочешь? – Она сунула мне под нос початую бутылку «Клинского». Я отпрянула, ехидно заметив:

– Ты и раньше его любила.

– Да, но это еще давно было. Потом я перестала любить, но пила. Потом даже пить перестала. А сейчас вот снова люблю и пью. Ой, ты столько обо мне еще не знаешь! Чего давно не заходишь? И опять ты хвост завязала, он тебе, между прочим, не идет!

Ну вот, убедились, что моя Таня – балаболка, каких свет отродясь не видывал? Подвергнув критике мой внешний вид, она принялась сплетничать, избрав в качестве жертв бывших одноклассников. Оказалось, что Сашка Усачев еще со школьной скамьи любит Машку Алексееву, и теперь они наконец стали встречаться. Ванька Белов работает в каком-то спортивном комплексе, но не тренером, как он всем хвалится, а, блин, представь себе, обычным набивальщиком матов! А Лидка Пронина откопала себе мешок с бабками (переведя с грачевского языка на русский – нашла бизнесмена) и собирается выскочить за него замуж, а может, уже выскочила, от нее давно ни слуху ни духу. И везет же некоторым, и Таня тоже так хочет.

– А у тебя как с личной жизнью? – бестактно прилепилась подружка, чем окончательно испортила настроение: личной жизни у меня не было уже довольно давно.

– Да так... – вяло отмахнулась я.

– Ой, а я тебе сейчас такое расскажу! Ты не поверишь, кого я вчера встретила! Нашего физрука! – продолжала болтать Танька и делала это, временами шумно отхлебывая из банки пиво, до тех пор, пока Димка наконец не вспомнил, что мы еще не купили билеты.

Грачева с остальными прошла в зал, а мы направились к кассе. Видя, как я достаю кошелек, Хромов взбунтовался и, проявляя джентльменство, заплатил за обоих. Засим мы потопали в зал занимать свои места и уселись за минуту до того, как потух свет. Через три началась громко орущая реклама кинопремьер, а еще через пять – наш фильм.

По традиции всем своим жертвам перед нападением психически неуравновешенный маньяк в белой маске и коричневом бесформенном балахоне звонил по телефону, и все почему-то принимали его за своих знакомых. Вот и сейчас надменная блондинка Саманта с роскошным бюстом и огромными, в пол-лица, глазищами игриво спросила «своего парня»:

– Джон, а ты меня любишь?

– Люблю... – прошипел плохо различимым голосом в ответ Лжеджон, находясь за дверью спальни этой девицы, где она, к ее ужасу и находилась, и держа наготове широкий разделочный нож, и совсем неожиданно для Саманты добавил: – ...убивать!

– Что?! – Глаза блондинки испуганно заметались. – Джон, ты что?! Перестань так шутить!

– Я не Джон.

– Ну хватит! Если ты не Джон, то кто же? – Саманта осторожно выглянула в окошко. Никого. Она успокоилась. Но зря.

– Не туда смотришь. Я здесь. За дверью.

Она вскрикнула и поставила рядом с дверью стул. Ну с понтом забаррикадировалась. Хотя можно было закрыть ее на замок, тем более что ключ торчал в замочной скважине. Это кому как удобнее.

– Давай поиграем, – раздавался в трубке голос маньяка. Конечно, она могла запросто его сбросить и набрать 911, после чего спокойно сбежать через окно, этаж-то первый, но, видимо, ей очень нравился его голос, потому она продолжала замороженно слушать. – Я буду задавать вопросы, а ты отвечать. Ответишь верно – будешь жить. За неправильный ответ расплата – смерть. Итак, первый вопрос. Хочешь умереть сегодня?

– Нет!! – завизжала блондинка сиреной, но этот разумный, на мой взгляд, ответ, серийный убийца посчитал почему-то неправильным (у психов же своя логика) и вломился без особых сложностей в комнату, после чего, потаскав девушку за волосы, выбросил ее прямо в окно. Стекло разлетелось на мелкие кусочки, а я зажала уши ладонями, боясь оглохнуть. Димка последовал моему примеру. Администрация кинотеатра никогда не заботится о барабанных перепонках зрителей – это я еще давно уяснила.

Саманта тем временем поднялась и, отряхнувшись, принялась упорно глазеть влево. А Убийца в белой маске, как вы уже догадались, приближался к ней с абсолютно противоположной стороны и был все ближе, ближе...

– Сзади! – не выдержала я.

– Тихо! – ополчился на меня весь зал, пришлось умолкнуть и далее без комментариев наблюдать за тем, как маньяк разделяется с Самантой, а потом еще с двумя десятками персонажей.

...Под титры мы покинули зал. Тут и там появлялись лотки, торговавшие костюмами убийцы-маньяка с прилагавшимися к ним картонными ножами, а также большими календарными плакатами с изображенными на них самыми кровавыми сценами из фильма; продавцы кукурузных хлопьев, попкорна, соков и шоколадок, наоборот, уже сворачивали свою деятельность.

– Дим, подождешь меня? Мне надо в уборную.

– Разумеется! И домой провожу, а то темно уже на улице. Снег-то почти сошел, а с ним светлее... – Он что-то еще бормотал, но я уже удалилась за дверь. Зашла в пустую кабинку, а через две минуты, собираясь выходить, открыла дверь и вскрикнула от ужаса: за ней стоял маньяк в балахоне до пят и маской на лице. В руке был длинный нож.

– Свободна? – спросил маньяк отчего-то женским голосом.

– Нет! Меня уже заказали! – испуганно заголосила я.

Пусть киллер ищет себе другой заказ и, соответственно, другую жертву.

– Да не, кабинка? Свободна?

– А, в этом смысле! – тут же успокоилась я. – Теперь да.

Выйдя из туалета, я посмотрела по сторонам, ожидая встретиться взглядом с Хромовым, но его нигде не было. Странно, я думала, что он будет ждать меня здесь. Да и бывших одноклассников нигде не видно. Может, они все на улице?

Я вышла на крыльцо.

«Ага, вот они, – удовлетворенно подумала я вслед удалявшейся в сторону бара компании, в числе которой были, кстати сказать, и Таня Грачева, и Димка Хромов. – Так я и знала».

У меня был выбор. Нарушить принцип и переступить порог заведения, куда соваться я считала ниже своего достоинства, зато иметь гарантированного провожатого, пусть и не совсем трезвого, или же следовать внутреннему стержню, объявившему меня стопроцентной трезвенницей и борцом за здоровый образ жизни, но бояться всю дорогу до дома, так как времена нынче беспокойные, а снег-то, как верно заметил Димка, почти весь сошел, особенно здесь. Темно, короче.

«Пить или не пить, вот в чем вопрос, – хмуро хихикнула я про себя. – Ладно, обойдусь. Гуляйте. Вы все под стать друг другу».

– Сама дойду, – резюмировала я печально и зачем-то вслух и устремила свой дрожащий взор на темный, сроду ничем не освещавшийся переулок, через который мне и предстоит топать.

«Может, идти в обход? – пискнула внутри меня глупенькая мысль. – Ага, такой крюк делать! Идти в два раза дольше! И потом, во дворе-то все равно все фонари посшибали, темноты так и так не избежать».

– Что, отстала от компании? – насмешливо поинтересовался голос за моей спиной.

Я резко обернулась, настроившись встретиться лицом к лицу по меньшей мере с Джеком-Потрошителем, но передо мной предстали всего-навсего два парня и девчонка. Один из парней внимательно на меня глазел, другой обнимался с девчонкой. Последние двое, казалось, и не заметили моего присутствия поблизости.

– Одной в наше время ходить опасно. – Его синие глаза весело смеялись. Надо мной, что ли? Да нет, тут дело в другом. Просто человек навеселе. Тут побольше одной стопки будет.

– Я неплохо умею драться, – на всякий случай произнесла я строго.

– В самом деле? – прыснул он, обзрев мои пятьдесят кило при росте метр семьдесят.

– У меня черный пояс по каратэ, – стояла я на своем, припоминая мастеров восточных боевых искусств, чьи фигуры

также не отличались особой тучностью.

– Ну мы погнали, – сообщил его друган, тот, что обнимал девчонку, они запрыгнули в неприметную «двенадцатую» и действительно погнали.

– А какой пояс идет перед черным? – проверял он меня на вшивость, распрощавшись с друзьями.

– Хм... – я глубоко задумалась, после чего ткнула пальцем в небо: – сиреневый?

Он рассмеялся.

– Не угадала. – Принюхавшись, я определила, что молодой человек был весел из-за хорошего настроения, а не по вине хмельного напитка, и паника меня отпустила.

Мы еще немного постояли. Мой новый знакомый закурил.

– Кстати говоря, оттого, что мы тут торчим, светлее не станет. Даже наоборот.

– Правда? Тогда я пойду, – промямлила я нерешительно, не двигаясь с места и продолжая понуро глазеть в еще сильнее потемневший переулок.

– Тебя проводить? – подмигнул он мне, приглаживая свои густые русые волосы. Парень был высок и хорошо сложен.

– Как хочешь, – пожала я плечами, но внутренне напряглась: чего ему от меня нужно?

– А далеко живешь-то?

– Нет, – покачала я головой. – Десять минут, если по прямой, дворами.

– Ну пошли тогда. – Мы сделали несколько шагов, но тут

я остановилась. – В чем дело?

– А зачем тебе меня провожать? – Если вы еще не заметили, я мастер на дурацкие вопросы.

– Люблю светленьких, – отшутился он, зазывно мне улыбувшись.

– А если серьезно?

– А я серьезно. Да и жалко тебя одну отпускать, мало ли что может случиться? – Он отбросил сигарету и выдохнул в атмосферу последнюю порцию угарного газа.

– Мало ли что может случиться, если ты меня не отпустишь? – осторожно заметила я и поспешно добавила: – Денег у меня с собой нет. И дома денег нет. И серьги у меня не золотые.

– Денег, говоришь, нет? Ну не беда, они у меня имеются. Если что, поделюсь, – хохотнул он.

– Не стоит, – фыркнула я и возобновила движение. Парень не отставал, таким образом мы подобрались к дороге. – Все-таки давай пойдем в обход. Там фонари и люди.

– Окей. Хочешь здесь – пойдем здесь, мое дело маленькое, – уступил парень, и наша парочка двинулась вперед по освещенной стороне улицы, соблюдая положенную дистанцию. После минуты молчания он поинтересовался: – Как тебя зовут-то?

– Мама зовет овцой, все остальные – Юлей.

Он опять засмеялся.

– Что ж, мама не помнит, как тебя назвала?

– Помнит. Просто овца – это у нее слово-паразит. Только применяет она его исключительно к своей дочери.

– Смешная у тебя мама. А я Роман, – представился провозжатый. – Чем занимаешься, Юля?

– Учусь в институте.

– Понятненько... – Он взлохматил волосы и глянул в небо, не сбиваясь с шага. – Сколько тебе лет-то, Юля?

– В апреле будет девятнадцать.

– Всего-то? А мне в апреле будет двадцать пять! – похвастал Рома такой интонацией, что хотелось ответить ему что-нибудь навроде: «Ты уже такой большой!» Но вместо этого я попросила:

– Расскажи о себе.

– Да че рассказывать-то? Высшее образование, работаю на успешном предприятии, заработок неплохой и стабильный. Курю, иногда выпиваю. Мой рост – сто восемьдесят пять, вес – где-то восемьдесят кэгэ. Веселый, общительный и очень симпатичный, – хихикнул он, очевидно представив себе, будто дает объявление о знакомстве в газету. – Живу сразу за «Гигом», во дворе.

– За кем? – не поняла я.

– За «Гигом», – послушно повторил он, точно для меня это что-то проясняло. Потом, правда, вспомнил, что имеет дело с блондинкой, и пояснил: – Ну «Гигант»! Тот самый, откуда мы и начали свой путь.

– А-а! Поняла. А я живу вон в той пятиэтажке, видишь

край крыши? – Я ткнула в появившийся из-за поворота дом, Роман кивнул.

– Ну, как тебе фильм? – проявил он любопытство. Либо просто не знал, о чем еще со мной можно говорить.

– Восхитительный! – Я вспомнила самый жуткий эпизод, когда маньяк в маске выкладывал кишки убитой им жертвы на мраморном полу в форму сердечка и смачно причмокнула.

– Любишь, когда кровь льется рекой? – подивился Роман моему вкусу. – Если так, уж лучше смотри военные фильмы, там крови даже больше, а основано на реальных событиях, хоть польза будет.

– Военные? – скривилась я. – Ни за что! Я пацифистка, я решительно не переносю насилие.

Спутник на это серьезно задумался, после чего изрек:

– Ты сама себе противоречишь. А как же кровь рекой?

– Ничего и не противоречу, – невозмутимо молвила я, плавно останавливаясь возле своего подъезда. – То – ненастоящая кровь, выдуманная. И маньяк ненастоящий. Я просто ловлю адреналин, понимаешь? А как начнешь смотреть фильмы про войну, так злость берет.

– Злость? – сверх меры удивился он, рассчитывая услышать про сочувствие, жалость, ужас, наконец, про душевную боль, но злость туда явно не вписывалась.

– Именно. Я противник войны вообще, я ее просто не понимаю, – неслась я все дальше, думая о том, что парня после

озвучивания подбирающейся к горлу глубоко эмоциональной тирады, скорее всего, больше не увижу, но будучи неспособной остановиться. – Подумай сам. Два придурка что-то не поделили, к консенсусу прийти не смогли, и за это каждый из них посылает граждан своей страны мочить граждан той страны, с чьим правителем он и поссорился. В результате горы трупов, в каждой семье – громадное горе от потери близкого человека, а сами правители, заметь себе, тихонечко сидят на своих «правительственных» местах и спокойно следят за процессом, прямо-таки с интересом футбольного болельщика: моя команда победит сегодня или их противники? Смотрят на то, как миллионы людей гибнут, причем большинство из них вообще толком не понимает, за что оно гибнет. Им же выбора не оставили. Сказали: «За Родину!», они встали и пошли в бой. А на самом деле не «за Родину», на самом деле – за то, что одному из придурков захотелось оттяпать территории пообширнее. В древние века хотя бы фараоны либо цари сами возглавляли свои войска. А теперь что? Одни трусы кругом. За счет чужих жизней хотят что-то поиметь.

Он долго молча разглядывал мое лицо. Затем сказал:

– Ты несправедлива. Во-первых, что значит «поспорили»? Гитлер хотел подчинить себе весь мир, чтобы правили одни немцы, он был самым отпетым шовинистом, расистом и антисемитом за всю историю, и двадцать семь миллионов человек только из нашей страны умерло за то, чтобы не подчи-

няться, как ты скажешь, «такому придурку». А ты говоришь, не понимаешь смысла. Да, за Родину! Именно так!

Я покачала головой.

– Я не беру, как пример, Великую Отечественную. Я говорю в принципе о войне. Раньше было так: каждый старался что-то себе заграбастать, дабы стать могущественнее других правителей, не думая о том, что погибнет масса народа. Да и в современном мире такие вещи происходят. Почему люди не умеют улаживать вопросы дипломатично? В любом деле при желании можно прийти к соглашению. Почему нужно обязательно убивать, как на соревновании, кто больше – тот и победил? Почему человеческая жизнь ни во что не ставится?! – под конец я сорвалась на крик, решив, что парня и так уже потеряла, а высказаться-то хочется.

– Ну, на деле-то императоры старались все больше для народа, – опять не согласился мой оппонент и изложил свою точку зрения: – Ты думаешь, они от делить нечего земли отвоевывали? Просто на чужих территориях, возможно, земля была более плодovitая, водоем под носом или еще что-то. Опять же до торговых путей дорваться надо, чтобы народ свой снабдить шелками, пряжей, продовольствием, всяческой утварью, которую, по разным причинам, не могли производить сами. Если не добьешься выхода к путям – народ будет мучиться если не от голода, то от недостатка материальных и хозяйственных благ, понимаешь?

– Да, но если начать войну, кто потом будет пользоваться

добытыми благами, ежели весь народ погибнет?

— Очень пессимистично, — свел собеседник брови у переносицы, выражая мимикой, что данный исход ему не пришелся по вкусу. — Не все же умрут, в самом деле. Император всегда рассчитывает на триумфальный исход битвы.

— Не все умрут, — передразнила я, всплеснув руками. — Ты предлагаешь обменять жизнь одних на то, чтобы оставшиеся чуть лучше жили, чем до этого?

Роман успел устать от диспута, потому заявил:

— Слушай, перестань философствовать. Каждый лидер любой группы людей — от пяти человек до пятидесяти миллионов — сталкивается с ответственностью подобного выбора: сделать плохо меньшинству в обмен на благополучие большинства. Ты в этом подъезде живешь? — без перехода спросил он, чтобы сменить надоевшую тему. Я коротко кивнула. — Пойдем, я тебя до квартиры провожу, — сказал он, пропуская меня вперед. — А то вдруг у вас там бомжи или еще какая гадость?

«Да они мои друзья!» — чуть не ляпнула я правду. Кому она, эта правда, нужна? И так парня еле-еле сохранила (да и это еще вопрос, быть может, он решил ограничиться однократным провождением), что бы случилось с Романом, скажи я эту правду вслух? Наверно, со ступенек бы навернулся. Дело в том, что один бомж из нашего двора, Вася, помог мне раскрыть преступление, точнее, натолкнул на след. Как итог, мы сдружились, он познакомил меня с некоторыми своими то-

варищами по несчастью, а я решила, что для меня это совсем неплохо, ибо бомжи – отличный источник информации, они все время вертятся на улице и много чего полезного видят. Полезного, я имею в виду, для моих расследований, которые я иногда затеваю, что-то вроде увлекательного, но опасного хобби.

– Бомжи не гадость. Бомжи – люди, – вступилась я за своих знакомых, так как, в отличие от Гитлера, в корне презирала всяческую дискриминацию.

– Как скажешь, – хмыкнул Ромка.

Он, как и обещал, довел меня прямо до квартиры. Я достала ключи, и тут он меня удивил.

– Юль, можешь дать мне свой телефон?

– У тебя что, своего нет? – моргнула я глазами, прокручивая в голове его слова о том, что в деньгах он не сильно нуждается. Да и с какой стати я ему должна дать? Сама я как звонить буду?

– Ну, ты чудная! – захохотал он. – Я имею в виду номер!

– А-а, Семен Семеныч! – Я продиктовала ему мобильный и домашний.

– Ну, пока.

– Пока, – машинально отозвалась я, переступила порог квартиры, но здесь вспомнила, что Ромка мне свой номер так и не дал, обернулась – его уже след простыл. – Дела... – пробормотала я, но решила, что первая так или иначе не позвонила бы, а когда он сам позвонит, тогда и будет у меня

его номер.

– Как кино? – проявила интерес мама, разогревая ужин. – Понравилось?

– Да, – ответила я, усаживаясь за стол. – Свою законную порцию адреналина я получила.

– За билет ты платила или...

– Или, мама, или.

– Значит, Дима?

– Нет, Таня Грачева, – хмыкнула я.

– Таня? – на секунду поверила родительница. – Что у вас за отношения такие? – И, видя, как я тихонечко хихикаю себе в руку, раскусив замысел дочери, сказала по обычаю: – Тьфу, овца! Я ведь почти поверила!

– Как дошла? – сурово спросил отец. – Никто не приставал по дороге?

– Меня проводили, – уклончиво ответила я.

– Кто? – суровый тон папахи сменил на очень суровый. Как и большинство мужчин, он был великим собственником, как по отношению к жене, так и к дочери. Разговор о других мужчинах в нашем доме был под таким же запретом, как и у мусульман свинина.

Я только рот успела раскрыть, как за меня ответила мама:

– Серж, не ругайся, Дима – очень положительный парень. Он даже за билет заплатил. – И почему мама все вопросы неизменно сводит к меркантилизму?

– Между прочим, – влезла я, – этот твой сверхположи-

тельный Дима бросил меня сразу после фильма, отправившись с одноклассниками в бар!

Получи, сунс, противогаз! А то хороший Дима, хороший... Вот Ромка действительно хороший! Столько ерунды от меня наслушался и имел мужество довести свою миссию до конца. В смысле, свою пессию – до квартиры.

– Да? Не может быть! Кто же тебя проводил?

– Да парень один...

– Ка-кой это парень?! – Папа поднялся во весь свой рост, продемонстрировав нам еще не забытую военную выправку, разом напомнив мне одну фразу из любимого советского фильма: «Ка-кая это собака?! Не позволю про царя такие песни петь!» – Ты пошла в переулок с незнакомым парнем?! Ноги выдерну!

– Совсем не так, – спокойно возразила я. – Я повела эту собаку... ой, то есть этого парня в обход, по освещенной и людной улице.

– Молодец дочь! – тут же сменил гнев на милость отец. – Я тобой горжусь! Возьму с собой на рыбалку! Самое святое доверю!

Напросилась, называется! Только не рыбалка, только не это!

– Папа, я еще не заслужила такого дара, – пошла я на хитрый ход, поглощая ужин и запивая его зеленым чаем. – Может, в другой раз?

– Правда, чего это я? – понял он, что погорячился. – Ты

мало добрых дел сделала, чтобы я взял тебя с собой. Вот будешь каждый день готовить и мыть посуду, я еще подумаю!

Я послушно закивала головой, думая про себя, как же все удачно складывается: и готовить не надо, и посуду мыть, и от наказания в виде двенадцатичасового тупого хождения вдоль ветреного берега с непонятной палкой в руке, с внешним видом, близким к облику запойного тифозника, я также избавлена.

– Тебя тоже перестану скоро пускать, – высказала мама недовольство. – Сейчас так опасно стало жить! А ты один едешь. Надька с работы рассказала, как их соседям бомбу подложили. И она взорвалась!

– Ха! – обрадовался папа этой печальной новости. – Если б бомба взорвалась, тебе б об этом не Надька рассказала, а какая-нибудь часть ее тела, скажем, рука или нога! Ха-ха! – загоготал он в голос, чуть не подавившись на радостях макаронами.

Мама обиделась.

– Ничего смешного! Бомбы разные бывают. Хозяйка квартиры принесла красивую коробочку на кухню, дай, думаю, открою и погляжу, что там. Вскрыла – коробочка взорвалась, опалив ей руку. И стены теперь на кухне все черные!

– В следующий раз думать будет, – рационально заметил папа.

Полужинав, мы забрели в комнату и расфасовались по своим лежбищам. Примерно через час позвонила Катька – та

самая лучшая подруга, совместно с которой я и люблю влезать во всякие преступления – с предложением пойти с ней на вечеринку, устраиваемую ее однокурсницей у себя дома.

– Я-то там зачем нужна? – взбунтовались во мне некоммуникабельность и, как следствие, нелюбовь к большому скоплению людей.

– У меня на это две причины. Первая – там будет Женька. Вторая – там будет Паша. – Ее лаконичный ответ на самом деле многое для меня прояснил. Женька с Катей питали друг к другу взаимное большое чувство, но в результате какой-то непонятной истории, о которой мне мало что известно, моя любимая подруга вдруг решила, что она недостойна Женьки, короче, спятила. Отказом пойти на тусовку она боится обидеть сокурсницу, но встречаться с экс-бойфрендом в свободной обстановке – выше ее сил, ей нужна опора в виде меня. Паша же – Женькин лучший друг – питает то же большое чувство ко мне, но это только по словам Кати, и она мечтает нас свести. Впрочем, Павел – парень добрый, но не совсем в моем вкусе. Меня тянет на эрудированных, образованных парней да желательно намного старше, тогда как Пашка перегнал меня всего лишь на год по паспорту и отстал лет на десять по уму. И это притом, что я сама не шибко мудра от природы! То есть в учении – я всегда первая, всегда отличница, а в быту, чего скрывать, – дура дурой. Короче, все это длительное объяснение, что я сейчас разжевала, подруга уместила в паре слов.

В своем ответе я тоже решила быть лапидарной:

– Уволь.

– Что так? – захотела Катька пояснений.

– Уже девять, меня отец все равно не отпустит.

– Понятно, – обиделась она и бросила трубку. Я тоже бросила, хотя понимала, что она-то не узнает об этом. Но бросить до ужаса хотелось.

Стоило это сделать, как снова раздался звонок, на сей раз в дверь. Мама была в ванной, папа уютно похрапывал под документальную передачу о животных, которые всегда действуют на него успокаивающе, так что открывать пришлось мне.

– Кто там? – спросила я, никого не заметив в дверном глазке. В ответ – тишина. – Кто там? – повысила я голос, но по ту сторону продолжали хранить упорное молчание. Что за ерунда?

Тут мне совсем не к месту (а может быть, и к месту) вспомнилась история о бомбе, подложенной соседке тети Нади. Во что это все вылилось? Она, по-моему, лишилась руки? Или не совсем лишилась, но что-то там с рукой точно было.

Я посмотрела на свою кисть, на длинные и тонкие красивые пальцы с рослыми здоровыми ногтями, не знавшими никогда вредных для них лака и ацетона; затем – на изящные худенькие локти и нетатуированные предплечья и поняла: я не хочу этого всего лишаться!

Сделав шаг по направлению к комнате, я перевела дыхание. Вот возьму и не открою, и ничего мне за это не будет! Нет никого дома, и все тут.

Я отступила еще на шаг, и вновь раздался залиvistый звонок.

– Да что ж это такое! – пожаловалась я высшим силам и осторожно приблизилась к глазку. По-прежнему никого и ничего. Однако данный результат меня не слишком-то ошеломил, как раз этого я и ожидала. Неожиданно рука, которую я только что заранее оплакивала, сама потянулась к замку. Сперва ужаснувшись, я после справедливо рассудила, что коли на лестничной клетке ничего нет, следовательно, некому причинить мне вред, и уже решительнее отворила дверь.

У порога меня караулила бомба, упакованная в симпатичную лиловую с серебристыми звездами коробку размером с диванную подушечку. Я коротко вскрикнула и лишилась сознания.

Глава 2

Вода потекла по лицу и забежала за ворот халата, заставив меня поежиться от столь неприятного ощущения и открыть глаза.

Надо мной склонилась мама.

– Живая! Это были грабители, да? Они ударили тебя по голове?

– Н... нет, – со второй попытки и не слишком внятно произнесла я. – Там... – и пальцем указала на притворенную дверь, таившую за собой множество грозящих потерей руки, а то и жизни опасностей.

Мать высунула нос за порог.

– Боже, неужто бомба?

Господь ей не ответил, и она перевела свой вопрошающий взор с потолка коридора на меня.

– Не знаю, – пожала я плечами, все еще лежа на полу. – Зови отца.

Папа помог мне подняться, затем устремил заспанные глаза на коробку.

– Да ладно. Фигня это. – И почесал затылок.

Тут уж и соседи всех трех квартир повыскакивали на площадку.

Баба Клава прижала руки к обширной груди.

– Это все фашисты! Они, окаянные, мину подложили! Вот

гитлеровцы, вот злодеи!

Да, неспроста я вспоминала сегодня Адольфа недобрым словом. Неужто решил отомстить мне таким способом? Как это жестоко, из-за одной меня взрывать целый подъезд!

– Так и знала, что они вернутся, – убивалась соседка, едва не плача.

– Ага, а с ними ахтун минен! – хмыкнул дядя Саша, папин приятель, и скрылся в недрах своей квартиры, потеряв интерес к происходящему. Однако с других этажей жильцы, напротив, стали подтягиваться.

– Да не, – вторил отец сам себе, не переставая чесать затылок. – Фигня это всё.

– Разойдись! – рывкнула мать и, встав на корточки, приложила к коробке свое чуткое ухо. – Ах! Тикает!

– Ах! – раздалось со всех концов. – Тикает!

– Срочно саперов вызывайте, – посоветовал нам мужик с первого этажа и, быстро смекнув, что к чему, незамедлительно убежал восвояси.

– Да ну, – отмахнулся папаня. – Фигня это всё.

Однако мама, вняв совету, полетела кому-то звонить, а соседи по очереди наклонялись, прислоняя ухо к страшной посылке, и убежденно заявляли:

– И вправду тикает!

Я от них решила не отставать и сделала то же самое. Действительно тикает! Повторив фразу вслух и отметив, что все вокруг удовлетворенно кивнули, я подумала про себя: «Кош-

мар какой-то!» В то же время мне как-то до конца не верилось в то, что это на самом деле взрывное устройство.

Когда последний обитатель подъезда совершил обряд посвящения путем слушания таинственной коробочки, мы обездвижились и призадумались.

Вскоре наши ряды пополнил живущий неподалеку участковый, которому мама, оказывается, и звонила.

– Здравья желаю, – непонятной национальности именем представился он и козырнул. – Что у вас здесь, товарищи проживающие?

– Гитлер капут, вот что! – высказалась с болью за все отечество, понесшее много людских потерь от проклятых немцев, баба Клава.

– Не понял?

– Бомба, – заговорщицким шепотом оповестила участкового мама, кивнув на упаковку под ногами.

– Да какая бомба?! Фигня! – раздраженно отозвался отец и вернулся в квартиру.

Честно говоря, я была с ним солидарна, поменяв свое недавнишнее мнение, повергшее меня в обморок, но уходить не спешила: так недолго самое интересное пропустить.

– С чего взяли, что бомба? – усомнился мужчина в форме, на что получил довольно интригующий ответ:

– А вы наклонитесь! Тогда узнаете.

– Не понял! – возмутился участковый: сегодня он явно сообразительностью не отличался.

Мать смиренно повторила:

– Наклонитесь, говорю, и послушайте!

Выполнив требование, участковый убедился, что «и впрямь тикает». Не мудрствуя лукаво он вызвал подкрепление.

Новоприбывшие менты, выполнив по очереди ставший уже знаменитым обряд, решили, что коробку следует вскрыть.

– Только не на моей кухне! – отрезала мать. Ей очень нравились наши светлые обои.

– Вскрывать будем здесь. Всех просим пройти на свои жилплощади и поплотнее закрыть двери.

Пройти-то мы, конечно, прошли, но за спектаклем все ж таки наблюдали через глазки.

Один бойкий капитан вспорол лиловую упаковку перочинным ножиком и заглянул внутрь. Взрыва не последовало. Затем он достал какой-то цветной прямоугольник и крикнул:

– Кто здесь Юлия?

Я тут же выползла на площадку и получила в руки свою законную коробку со всем ее содержимым.

– Это вам, – не скрывая улыбки, обрадовал он и загоготал. Следом за ним – все остальные. – В следующий раз, – вытерев выступившие не то от смеха, не то от напряжения слезы, погрозил он мне пальцем, – накажем.

– За что? – возмутилась я тем, что на меня пытаются повесить террористический акт. – Это не я ее подложила! За-

чем мне взрывать дом, в котором я живу? У меня другого нет. И потом, я не умею их готовить!

– Готовить? – переспросил капитан, и тут же в его животе что-то громко заурчало. – Кого?

– Бомбы!

Они захохотали еще пуще, а я додумалась наконец заглянуть в свой трофей.

Настенные часы в форме сердечка и розовая с белыми цветами открытка. «За твои красивые серые глаза и милую улыбку, – значилось в ней. – С 8 Марта!» И подпись: «Роман».

* * *

Темная, беззвездная ночь. Она шла неосвещенным двором к дороге, кутаясь в коротенькую, едва достающую до пояса, курточку и думая о матери. В последнее время они часто ругались, мать настаивала на том, что надо ежедневно посещать школу, тем более в одиннадцатом классе, когда предстоят решающие экзамены. Плюс к тому – допоздна не гуляй, музыку громко не слушай, бросай курить, не пей на вечеринках... Господи, какая она зануда! Если бы мать только узнала, что она и марихуаной иногда развлекается, да и с парнями давно уже не только целуется, что бы было? У нее, наверно, случился бы инфаркт!

Девушка хихикнула, продолжая идти и не отрывая при-

щуренных глаз от земли: она старалась разглядеть то, что находилось под ногами, так как двор по своей чистоте приближался к свалке, а света молодой, зарождающейся луны было явно недостаточно для того, чтобы не напрягать орган зрения. Так немудрено и ноги переломать.

Какой-то шорох достиг ее ушей, и она наконец оторвала глаза от почвы, припорошенной кое-где снегом и усыпанной мусором.

Ха, он ждет ее! Она даже не смела надеяться на такой подарок.

«Как же мне сегодня подфартило! – думала она, подходя ближе. – Господи, ты любишь меня! Аллилуйя!»

* * *

В десять утра вышел специальный выпуск новостей по нашему местному каналу.

– Жуткое преступление совершилось в четыре утра во дворе Дворца культуры «Гигант», где проходила премьера кровавого ужастика о серийном маньяке-убийце «Визг 4», – заупокойным голосом вещала диктор – серьезная женщина лет тридцати в строгом синем костюме. – Была зверски истерзана шестнадцатилетняя ученица одиннадцатого класса средней общеобразовательной школы № 5 Алена Звеньева. – На экране высветилась крупным планом фотография убитой школьницы. Явно крашенные иссиня-черные волосы стиль-

но подстрижены, черная подводка и килограмм туши вокруг небольших карих глаз, лицо бледное не то из-за самой кожи, не то из-за пудры, ее покрывающей, на губах – темно-бордовая помада. Но в целом, лицо производило приятное впечатление, девушка, несмотря на боевую раскраску, была симпатичной.

В голове что-то щелкнуло, заставив извилины активно шевелиться. Так бывает, когда, увидев человека, осознаешь, что раньше где-то уже с ним сталкивался, но не можешь вспомнить когда и при каких обстоятельствах.

– Свидетели утверждают, – продолжала тетка, – что за несколько минут до обнаружения трупa Звеньевой из-за угла Дворца культуры выбегал человек в костюме маньяка из фильма «Визг». Свидетели рассмотрели, как с ножа, что он держал в руках, стекала свежая кровь. Их фамилии в интересах следствия не разглашаются.

Тетка-ведущая исчезла, появился мужик, повернутый к камере затылком, и надпись «Голос изменен».

– Мы сначала решили, что это маскарад, и нож не настоящий, ну, тот, что к костюму прилагается. Я думал, окунул картонный нож в кетчуп и бегают всех пугает, ну вроде шутики.

– Какого он был роста? – осведомился голос за кадром.

– Ну, примерно... Не могу точно сказать. Высокий. Вот, а потом зашли во двор, а там... девушка мертвая.

Снова возникла ведущая.

– Если кто-нибудь располагает информацией относительно убитой, просьба обратиться...

Папа переключил канал.

– Кошмар какой-то! Вот молодежь пошла! Убивает направо и налево.

– С чего ты взял, что убийца из молодежи? – разумно поинтересовалась мама.

– Взрослый человек на такое не пойдет. Все беды от молодых!

– Где я ее видела? – любопытствовала я сама у себя.

– Ага, проснулась! – радости папани не было предела. – Объясняй сейчас же, с кем у тебя роман?

– Что? – удивилась я. Или я все-таки не до конца проснулась, или у папы поехала крыша. – Нет у меня никакого романа!

– Как нет? В писульке твоей ясно сказано: роман.

– Где-где сказано? – недоумевала я.

– Где-где... в записке! Ну, в открытке то есть!

– Серж, – снова подключилась мама, – Роман – это мужское имя, и это не значит, что у нашей дочери с ним роман!

От продолжения дурацкого разговора меня спас телефонный звонок. Не поднимаясь с постели, я потянулась к телефону, лежащему на прикроватной тумбочке.

– С добрым утром! – Это был Димка. – Как вчера дошла?

– Прекрасно! – оскалилась я.

– Ты злишься, да?... Я так и знал. Слушай, извини, что так

вышло. Я опомниться не успел, как оказался в этом отвратительном баре! Как только ты скрылась за дверью, ко мне подлетел Санек и заставил идти с ними. Это было ужасно.

– Ах! – поддельно ужаснулась я. – Они приставили к твоему виску дуло пистолета! Действительно ужасно, вот сволочи!

На том конце горестно вздохнули.

– Мне, конечно, ничего не приставляли, но... И Танька пошла с нами! – поняв, что невозвратно идет ко дну, Димон решил потащить с собой за компанию Грачеву. – И пила больше всех, прикинь!

Я засмеялась.

– Ладно, проехали.

– Лады. Смотрела сейчас новости? – сменил он тему. – Эта Алена – или как там ее? – сидела впереди нас.

– Да? – удивилась я. Хотя чему тут изумляться? Все вокруг давно потешаются над моей рассеянностью. Если бы впереди сидел сам Брэд Питт, я б и его не заметила, что мне какая-то девчонка?

– Да, а ты не запомнила ее? Она все время чмокалась с парнем справа, мешая смотреть фильм. Я ей тогда желал провалиться. А теперь чувствую свою вину! А парень слева от нее, кстати, не сводил глаз с тебя.

– Серьезно?

– Ну ты даешь! Ты и впрямь до ужаса невнимательна. Я думал он в тебе дыру просверлит своим взглядом. Главное, в

кино пришел, а смотрел в противоположную от экрана сторону. Я тогда поспорил сам с собой, подойдет ли он к тебе после сеанса.

Так. Либо Хромов подлизывается, сочиняя на ходу слезливую мыльную оперу, либо тот парень не кто иной, как Ромка. Тогда получается, что девушка...

– Боже! – крикнула я Димке и сбросила звонок, не попрощавшись. Повешенные вчера вечером над моей кроватью часы в форме сердечка тревожно тикали, навевая следующие невеселые думы: у убитой девицы был парень, а у парня – друг, и всегда они ходили втроем. Что, если их всех...

«Чушь», – сказала я сама себе. Нашли только один труп, а не три. В любом случае я должна исполнить свой гражданский долг.

– Мама, я иду к следователю! – Я вскочила и начала собираться.

– Зачем еще?

– Я знала убитую. Мои показания могут помочь следствию.

– Началось! – выдохнули хором родители, но спорить со мной не стали: горбатого исправит лишь могила, а тяга к собственным расследованиям – это и есть мой самый главный горб.

Зайдя в дверь, на которой имела место табличка «Акунинский Б.Н., следователь по особо важным делам», я, слегка кивнув разговаривавшему по телефону Борису Николае-

вичу, привычно устроилась на стуле напротив.

Положив трубку, следовательно глубоко вздохнул и полез в карман пиджака за розовеньким в белый цветочек платочком, которым незамедлительно принялся вытирать немалую плешь на голове. Разговор, как я поняла из этого жеста, был не из легких. Между прочим, моему старшему другу не было и сорока, а он уже наполовину лысый. Наверно, виной всему нервная работа, частенько заставляющая посещать унылый кабинет по выходным, как сегодня, например.

«Это вы аэрозолем для полированной мебели протираете?» – хотелось мне подколоть Акунинского, наблюдая, как он трудится над своей лысиной, но, к сожалению, несмотря на то, что мы с Бориской были хорошими знакомыми, панибратства он не допускал.

– Ты по делу или так зашла? – спросил он меня и принялся молиться вполголоса: – Только бы просто так, Господи, пусть окажется, что просто так...

Опустив глаза, я была вынуждена порушить его упования:

– По делу.

– Господи! – простер он свои ручищи к потолку. – За что мне это наказание? Ты же обещала никуда больше не впутываться!

– Да, – припомнила я подобный разговор, – и обещание свое сдержала, целых полтора года никуда не влезала. Сколько же можно никуда не влезать?! – искренне недоумевала я.

– Всю жизнь! Не приходил в твою не сильно умную го-

ловку такой ответ? Люди сидят себе дома и радуются тихой размеренной жизни, а вы со своей Катькой... Эх, – махнули на меня рукой. – Ну, что на этот раз?

– На этот раз серийный маньяк-имитатор, – гордо возвестила я.

– Да-а? – недоверчиво протянул следователь. – И каким, позволь, местом ты тут замешана? Психологический портрет киллера мне составишь? Ха-ха! – потешался он надо мной. Было, мягко скажем, обидно.

– А что вы из меня дуру делаете?

– Да и делать-то не надо, все еще девятнадцать лет назад сделали. Эх, знал бы, что так выйдет, нашел бы твоих родителей и подарил бы им контрацептивы, ха-ха! Ну ладно, чего это я разошелся, – поправил он сам себя. – Грешно смеяться над больным, тем более на голову, человеком. – И, видя, как изменяется выражение моего лица: – Шучу я, шучу. Извини. Так что там у тебя? – Я никогда не была злопамятной, потому сразу же простила своего лысого друга и выложила все, что знала по данному вопросу. – Значит, на «двенадцатой» отчалили? – следователь тут же принял стойку. – Цвет автомобиля? Номер? На кого зарегистрирован?

Я растерялась и как-то даже сникла.

– Ну откуда же мне знать? Не разглядела, темно было. Да и вообще, специально разве туда посмотришь? – Я имела в виду номера.

– Ну да, ну да...

– Да вы не расстраивайтесь, дядя Боря! Я могу у Ромки номера спросить. Как бы невзначай.

– Даже не думай! – огрызнулся он. – Твоим Ромкой займутся опера. А сама с ним лучше пока не встречайся, поняла? От греха подальше. Сама знаешь, как тебе везет на новых знакомых. – Я не могла не согласиться с этим утверждением и посему смиренно кивнула. – А про то, что со мной беседовала, вообще ни-ни! Поняла?

– Поняла, – вздохнула я. Здесь у меня затренькал мобильный. Покопавшись в сумочке, я вытащила на свет божий старенький Siemens и подивилась высветившемуся незнакомому номеру. Кто это?

– Надеюсь, это не твой новый ухажер названивает? – среагировал Бориска.

А-а, точно!

– Не-ет! – соврала я, покраснев, точно спелый помидор, и отключила сотовый.

– Лучше даже по телефону с ним не общайся, а то мало ли чего... Говоришь, живет рядышком с ДК? Интересненько.

Я ничего интересного в этом факте не обнаружила, поэтому, вторично вздохнув, попрощалась и отправилась восвояси.

Порог дома я переступала в удрученном состоянии. Не знаю почему, вроде бы выполнила свой гражданский долг, а все равно что-то гложет внутри, беспокоит, мешает сосредоточиться. Что-то неприятное.

Зайдя в комнату, я первым делом кинулась звонить Катке, дабы выяснить, как прошла вчерашняя вечеринка.

– Не знаю, как для других, для меня она прошла очень своеобразно. Мы зашли с Ленкой, огляделись, и... я ушла. А Ленка осталась. Но я ей еще не звонила, не знаю, как прошло.

Сперва я просто рот открыла, до того оригинально поступила подруга, затем решила уточнить:

– А почему собственно ты ушла?

– Людей было мало, а среди них Женька. В толпе, глядишь, он бы меня не заприметил, а так... Короче, мы кивнули друг другу в знак приветствия, и я поняла, что не выдержу дольше секунды в одном с ним помещении!

– Если так, может, стоит помириться?

– Нет! – отрезала Катя. – Кстати, на улице меня догнал Паша и интересовался, почему ты не пришла со мной. Он был очень расстроен!

– Что ж, передай ему мои соболезнования. Между прочим, я тут тоже зря время не теряю. – Я поведала подруге все подробности дела, куда очень хотела впутаться, но мне не позволили.

– Да ты что! – воскликнула она возбужденно, прослушав повествование. – То есть Звеньева уехала куда-то со своим парнем, другом твоего Ромки, а почти через девять часов вернулась на то же место в виде трупа, погромсанного маньяком, пародирующим маньяка из фильма, на премьеру ко-

торого она и ходила? И кстати, вместе с парнем и твоим Ромкой. Занятно. Если мне не изменяет чутье, а оно, ты знаешь, мне никогда не изменяет, ты снова вляпалась в опасную историю.

В словах Кати был свой резон. Я имею в виду начальную часть ее монолога: как Алена оказалась возле «Гиганта», если оттуда укатила вместе со своим парнем? Зачем она вернулась? Что она забыла в этом протухшем, грязном, поганом дворе – обиталище наркоманов да алкашей? Или она вернулась туда уже в качестве трупа?

– Может, ее парень прикончил? – вновь активировалась по телефону Любимова, по всей вероятности, думая в том же направлении, что и я. – Насмотрелся ужастиков, возомнил себя главным героем, серийным маньяком в маске, и того... Надо бы проверить его в базе психов. Ты фамилию его сможешь выяснить у Ромки своего? Только осторожно.

– Я попробую, но не обещаю. И вообще, Бориску-на-царство запретил мне с ним не то что беседы о покойнице вести, а даже банально общаться по телефону!

Катя хихикнула, услышав придуманное нами погоняло Акунинскому. Их было много, когда нам заняться нечем, мы постоянно упражняемся в выдумывании новых, а самые удачные записываем в отдельную тетрадочку, гордо обозвав сие произведение «Борис Николаевич. Избранное».

– В общем-то, он, как всегда, прав, наш лысый друг. Ладно, держи меня в курсе.

«Что-то», которое тревожило меня всю дорогу от следственного комитета до дома, вскрылось, когда ойкнула за обедом мама, вспомнив, что забыла мне кое-что сказать.

– Старею, видимо, – оправдывалась она, хлебная куриный суп. – Хотела сразу тебе сказать, как только ты вернулась, да вылетело из головы. Звонил тебе твой Роман.

– Серьезно?

– Да. Сказал, что не смог дозвониться на мобильный. Спросил, когда вернешься. Я сказала, что не знаю, и велела звонить вечером, чтоб уж наверняка.

Я умиротворенно угукнула, но здесь вспомнила, о чем талдычил следователь, подскочила к матери и лихорадочно затрясла ее за плечи (отчего та подавилась откушенным куском хлеба), истерично вопрошая:

– Ты говорила ему, куда я ушла?! Ты говорила куда?! Ну же, отвечай, говорила ему или нет?!

– Перестань использовать мать вместо боксерской груши! – возмутился отец и дал мне по лбу пустой пластиковой бутылкой из-под пива, умерив тем самым пыл дочери.

– Да не говорила я, не говорила! – пришла в себя мама. – Надо тебе – сама говори!

– Вот как раз и не надо, мамочка. Не надо.

Ромка не объявлялся до семи часов. Я как раз вспомнила, что мобильник отключен, включила его, и тут же, как по заказу, высветился тот же самый злополучный номер, на который тогда Акунинский запретил отвечать. Сначала я хотела

плюнуть на звонок, но в результате плюнула на Акунинского и ответила.

– Как тебе мой подарок? – после того, как пожаловался на невозможность мне дозвониться (я в свой черед сочиняла оправдательные речи и извинялась), проявил он интерес. – Понравился?

Приступ легкой паники, охватившей меня при виде зазвонившего телефона, куда-то улетучился, стоило Ромке заговорить. Ни у кого при жизни я еще не слышала столь приятного, нежного и успокаивающего голоса. Его веселый и несколько игривый тон имеют дар вселять какой-то положительный настрой, ощущение покоя, защищенности и безмятежности, что с первой минуты кажутся несусветной глупостью все предостережения друга следователя относительно обладателя сего голоса. Короче говоря, я жутко порадовалась тому, что плюнула на Бориску, а не на Ромку.

– Замечательные часы, – счастливо ответила я и не придумала ничего лучше, как поведать ему историю о бомбе и полиции.

– Ничего себе! – засмеялся он, кажется, совсем не беспокоясь по поводу утекающих со счета денег. – Что, все так и было?

– Честное пионерское! – заверила я.

– Что ж, от романтики придется отказаться, – резюмировал Рома. – Теперь подарки буду передавать тебе прямо в руки, идет?

– Не идет. Зачем тратиться?

– Ух ты, – подивился кавалер моей бережливости. – А мне на тебя ничего не жалко.

– А мне жалко.

– Чужих денег? – искренне изумился он.

– Чужих – в особенности, – пошутила я.

– Да-а, – протянул он задумчиво, переваривая информацию. Держу пари, в тот момент парень гадал, все ли бабы чокнутые, или я единственный так удачно получившийся экземпляр. – Слушай, что ты делаешь завтра вечером?

– Завтра вечером у меня занятия.

Господи, о чем мы говорим? У него убили знакомую, а он пытается позвать меня на свидание! Может, Ромка не знает? Может быть, нужно ему сказать? Нет, наверно, не стоит. Даже если он еще не знает, он не должен знать, что я знаю. А если он знает, то не считает нужным говорить мне, стало быть, я не должна считать нужным говорить ему. Вот. Уф, как все запущено!

– А послезавтра?

– Послезавтра тоже.

– А когда же у тебя нет занятий? Ты же на вечернем, должен быть свободный день!

– В среду нет занятий. И в воскресенье.

– Ага. Тогда ближе к среде я звякну. Пока.

– Пока.

Что ж, будем надеяться, что среда никогда не наступит,

так как в этом случае придется выбирать: нарушить данное Бориске слово или уклониться от встречи, выдумав веский предлог, читай – солгав, потому что никаких планов у меня на среду не предвидится, не считая, конечно, грядущего Ромкиного предложения. Допустим, один раз я его обману и сошлюсь на выдуманную генеральную уборку в квартире, в коей обязательным образом должна участвовать вся семья и которые, кстати говоря, очень любит затевать моя мама. А дальше что? Сколько я смогу врать и притворяться, выдумывая себе важные дела? Ведь следствие затягивается, бывает, не на один месяц, а то и год. Тем более, сказать по правде, Ромка мне нравился, хоть мы и были знакомы, в сущности, всего день, не считая общения по телефону. Что делать: обидеть хорошего человека и навсегда лишиться его компании в угоду Акунинскому или же мешать следствию, подвергаясь риску стать следующей жертвой? Уж я-то себя знаю, наравшись на интересный след, я, чаще всего, лишь запутываю следствие, нежели ему способствую. Как поступить? Пожертвовать своей симпатией и личной жизнью ради оперов и следователя, чтобы им лучше искалось, и ради родителей и друзей, чтобы им не пришлось нервничать за меня, а то и хуже, оплакивать? Как там Ромка говорил, жертвовать меньшинством ради большинства? Меньшинство в этом деле явно представляю я. По Ромкиной теории я должна отступить, залезть в глубокую нору и сидеть там безвылазно, пока все не утрясется. По своей же собственной – наоборот. Меньшин-

ство не должно страдать в угоду большинству. Так что же делать? В среду мне предстоит нелегкий выбор, и поэтому буду уповать на то, что она не наступит...

Глава 3

На следующий день произошло по-дьявольски странное событие. Пометавшись между бутиками крытого торгового комплекса в поисках ветровки своей мечты, мать, взявшая меня с собой, после двухчасового мучения все же остановила свой глаз на голубой легкой куртке с золотистой отделкой и стала ее примерять, когда в дверь бутика всплыла подобно белому лебедю красивая блондинка лет двадцати с устойчивым курортным загаром на лице и, что самое странное, приветливо помахала мне рукой. За спиной белокурой красотишки маячил здоровенный бугай под два метра ростом, коротко стриженный и с абсолютно зверским выражением лица. Я обернулась на маму, критично осматривающую себя в зеркале, и продавца, красноречиво расписывающего достоинства товара, и не обнаружила ни у той, ни у другого на лицах никаких признаков узнавания колоритной парочки. Выходит, девушка машет именно мне.

Сделав подобие улыбки, я ответно помахала, ожидая, что она сочтет меня за это действие сумасшедшей, потому что вдруг окажется, что блондинка – дочь, либо жена, либо кто-то еще этому продавцу и приветствовала совершенно не меня, но неожиданно девица засмеялась:

– Боже, Образец, неужто не узнала? Ты всегда была рассеянной!

«Образец» – это моя бывшая кликуха в школе, сформированная от фамилии Образцова, никто, кроме одноклассников, меня в жизни так не величал, стало быть...

– Лидка! – воскликнула я. Да, это была именно она. Та, что, по словам болтливой Таньки, откопала мешок с бабками. Теперь этот мешок стоял рядом с нами истуканом и молча сверлил меня злым орлиным взором, причем, надо сказать, что сей орел был нем и страдал, судя по свирепому выражения лица, самым настоящим бешенством. – Ты ж была темненькой!

Она снова рассмеялась.

– Знаешь, Образец, в наше время эта проблема решается элементарно – краской для волос.

– Расскажи, как у тебя? Ну это... Как это всё? – продолжила я ошалело пялиться на бывшую одноклассницу, плохо облекая свои мысли в слова. У Лиды с этим проблем не было, потому я быстро въехала в ситуацию. Уже как два месяца заядлая троечница Пронина является женой крутого бизнесмена и депутата городского совета в одном лице Семенова Льва Семеновича и носит теперь его фамилию, а также жемчуга и бриллианты. – Очень приятно, Лев Семенович, – поздоровалась я с бешеным, не то того и гляди покусает, но Семенов среагировал на это нетривиально: вместо того чтобы как минимум просто кивнуть, а лучше сказать «приятно познакомиться», он выпучил глаза и часто-часто заморгал. «У него, наверно, еще и тик, – подумала я про себя. – Да, быть

большой шишкой – тяжкое для нервной системы бремя».

Лида расхохоталась еще пуще.

– Юлька, ну ты ваще! Это мой водитель. Ну и телохранитель в одном флаконе. Я, правда, не понимаю, к чему такие заморочки, но Лева посчитал, что так ему будет спокойнее. Вот ищу себе купальник, мы на Сейшелы собрались. Прикинь, я объездила все московские бутики – ничего не нравится! Вот на обратном пути решила сюда заглянуть. – Мы живем в области, в довольно крупном городе.

Мама, о которой я уже почти забыла, потянула меня за рукав.

– Это она? Только честно!

При чем тут честность, я не поняла, так как лгать и не собиралась, и ответила:

– Да, это Лида Пронина. Теперь Семенова. Ты ведь о ней говоришь? – на всякий пожарный решила я уточнить.

– Что? А, здравствуй, Лида! – опомнилась мать, заметив девушку. – Я про куртку! Это она? Ветровка моей мечты, которую я искала битых два часа? Что скажешь? Или просто от истощения и усталости у меня шарики заехали за ролики? Вот куплю сейчас, а дома посмотрю, и окажется, что это не то!

Я нервно выдохнула и убедила родительницу купить куртку: искать новую «мечту» не было сил, к тому же маме обновка действительно шла. Мы с Лидкой обменялись телефонами, затем она предложила отвезти мою маму домой на сво-

ем сияющем «Мерседесе», а со мной продолжить общение в кафе. Поняв, что в Лидкиной крови разыгралась ностальгия, и ощутив внутри себя схожее чувство, я согласилась.

Затормозив возле «Гвоздики», где недавно сделали ремонт и подняли до небес цены, переквалифицировав сие кафе в разряд «понтовых», шофер с безумными глазами вышел, открыл заднюю дверцу и предоставил Прониной-Семеновой руку, опершись на которую, она грациозно вылезла. Аналогичную услугу детина предложил и мне, но я гордо его проигнорировала, решив покинуть автомобиль самостоятельно, в результате чего, оступившись, сшибла водителя с ног и повалилась на него же. Вскочив, я покраснела и, брякнув: «Извините!» – пулей полетела в кафе занимать места. Лидка шла за мной, оставив телохранителя караулить машину.

– Образец, ты все такая же! – с восторгом выдала Пронина, придвигая к столику стул, на который она и взгромоздилась.

– Ты так говоришь из-за того, что я упала? – обиделась я.
– Это, конечно, тоже, – хихикнула Лидка. – Да и вообще.
– Чем ты занимаешься по жизни? – решив сменить тему о своей персоне, полюбопытствовала я, отхлебывая зеленый чай из симпатичной чашки.

– Как чем? – Она стала перечислять: – Массаж, салоны красоты, солярии, бассейны, тренажерные залы, сауны, светские рауты. То есть, конечно, не такие рауты, как в «Войне

и мире», без балов и массы народа, просто муж часто собирает в загородном доме друзей по бизнесу, приходится натягивать вечернее платье и присовокуплять к нему улыбку до ушей. А еще я записалась на теннисный корт, – похвастала своим увлечением Лида – светская львица с двухмесячным стажем. – Там очередь такая, что закачаешься! За полгода вперед записываются.

– Понятно. – Я сунула пельмень в рот и огляделась по сторонам. Немногочисленные посетители, казалось, нас совсем не замечали. Так и хотелось им крикнуть: «Смотрите, это же Лидка! Она так изменилась!» Честно говоря, я дивилась больше не внешним метаморфозам, а внутренним. Сидевшая напротив меня девица походила более на какую-нибудь Ксению Собчак, а не на Пронину, ту, которую я знала. Как это могло произойти? Впрочем, пусть она сама расскажет об этом. – Лид, а как ты умудрилась познакомиться с этим... Семеновым?

– Ха, не поверишь. На «Лебедином озере»!

Я присвистнула.

– Каким ветром тебя туда занесло?

– Да вот среди девчонок слух прошел, что нынче среди богатеньких буратин модно по всяким балетам да опереттам таскаться. Я смекнула, что к чему, и тоже стала таскаться, чтобы такого отхватить. На четвертый раз повезло, отхватила. И женила на себе. – Это было сказано с горделивостью, но я не видела особого повода для хвастовства. Для чего да-

мы стремятся выскочить замуж за миллионера? Чтобы вместо работы посещать бассейн и косметический салон, а вместо празднования дня рождения с подружками дома иметь возможность оттянуться в ресторане? Но при этом изменить себе, стать другим человеком? Ну уж нет, увольте. По мне, чем сидеть в золотой клетке, лучше оставаться вольной птицей. То есть самой собой.

Мы еще немного поболтали, и тут я додумалась посмотреть на часы.

– Блин, мне ж скоро в институт! Совсем забыла.

– Не парься, подкину я тебя в институт. Или сначала домой?

– Необязательно, – пожалела я бензин в «мерине». – Ручка у меня с собой есть, а тетрадь все равно у сокурсницы, она должна мне сегодня принести. Кстати, почему ты не пошла со всеми на «Визг»? Очередной выход в свет?

– Да, вроде того. А ты ходила? Расскажи, – обратилась она в слух.

Я поведала ей сначала новости, связанные с одноклассниками, затем – про фильм.

– Так что ты многое пропустила, – резюмировала я. – Особенно когда всякие придурки переодевались в Психа в маске и бегали по коридорам и туалетам, всех пугая. Я, когда открыла кабинку и увидела это пугало, чуть не... – Я взяла паузу, чтобы выбрать термин поделикатнее, но Пронина ответила за меня:

– Тебя спасло то, что было уже нечем!

Обе захохотали, как полоумные, и опомнились, только когда мне нужно было в институт. Мы подъехали к крыльцу, и Лида вышла вместе со мной. Углядев на моем лице выражение глубокой заинтересованности, она пояснила:

– Че я одна как чмо без образования сижу? Вот вытурит меня Пупсик, коли надоем, и куда я денусь в этом случае? На шею родителям? – Я слушала, затаив дыхание и разинув рот: Лида Пронина впервые за свои девятнадцать лет серьезно задумалась о будущем. Перемены в ней были не просто большими, они были разительными. – Пойду-ка погляжу расписание подготовительных курсов.

Я подвела ее к нужному стенду и на прощание задала один из своих любимых глупых вопросов:

– А ты вообще как? Ну, любишь его?

– Кого? – аккуратно подведенными очумелыми глазами вперилась в меня Семенова.

– Ну, Пупсика своего?

Реакцией на это был раскат хохота. Так мне и надо, хватит в романтику верить, пора уже подрасти.

Вики нигде не было, следовательно, и моей тетрадки тоже. И где же мне писать? Может, на парте?

Я заняла вторую парту на крайнем ряду, кивнув в знак приветствия впередисидящим девчонкам и получив от них ответный кивок, а через десять минут в аудитории нарисовался препод и прямо с порога возвестил название новой те-

мы, ни тебе здарсьте, ни как поживаете.

Меня выручили все те же впредисидящие отзывчивые девчонки, вынув мне из блоков несколько листиков, которые к концу первой пары грозились неминуемо закончиться, ибо пишем мы много, а Вика все не шла и не шла.

Начался перерыв, половина аудитории унеслась по домам, не в силах выдерживать более полутора часов высшей математики, а половина от оставшейся половины выползла курить на крыльцо. Я насчитала десять по-прежнему сидящих человек и усмехнулась: в последнее время нас ходит все меньше.

От скуки я уставилась в одно из шести огромных, от самого потолка и до пола, незарешеченных окон. На улице совсем стемнело, можно было различить лишь ярко-желтые огни автомобилей, несущихся, словно угорелые, по отдаленно расположенному шоссе. Вдруг совсем рядом со стеклом мелькнула какая-то тень, одновременно пронеслось что-то белое на фоне этой тени и исчезло. Показалось?

От созерцания окна меня отвлекла хлопнувшая дверь. О чудо! Это на вторую пару заявила Вика. Она была немного полной, притом сильно комплексовала по этому незначительному поводу, а волосы красила в цвет «красное дерево». Увидев меня, улыбнулась и бодро почапала к моей парте, заняв место рядом на лавочке.

– Бонжур! – Нет, Виктория не француженка, она просто до умопомрачения любит употреблять иностранные слова,

чаще даже английские, считая, что это добавляет ей значимости в глазах окружающих. – Я принесла твою тетрадку, держи. Thanks.

– Чего ты так поздно? – гневалась я.

– Sorry, я не хотела тебя подводить, просто случилось ЧП. У меня приятельница погибла, в одном подъезде жили. Я забежала к ее матери по дороге в институт узнать, когда похороны. У той истерика, рыдает, за сердце хватается, мне пришлось остаться и откачивать бедняжку. Мужа у нее нет, родственники далеко живут, еще не приехали, короче, она осталась совсем одна. Мне было неудобно уходить, когда человек в таком состоянии.

– Само собой. А что там случилось?

– С Аленкой-то? Да псих какой-то искромсал.

– Погоди-ка... – Вот он, тот самый след, о котором я уже говорила. Во мне тут же вспыхнул сыщицкий азарт, который я безрезультатно пыталась искоренить в себе вот уже полтора года – именно столько времени прошло с момента последнего влезания моего любопытного носа в детективную историю. – Ты говоришь про ту самую Алену Звеньеву, которую показывали в новостях? Сейчас же рассказывай о ней все, что знаешь!

Вика слегка опешила и задала мне вполне правомерный вопрос:

– А тебе зачем?

– Э... Я познакомилась с ней на премьере фильма «Визг

4». А в новостях сказали, что убил ее маньяк, похожий на того самого Убийцу в белой маске. Интересно же!

– Познакомилась? Когда же ты успела? – удивлялась Вика. – Что, прямо в кино?

– Сразу после, и, честно говоря, общалась больше с ее другом, чем с ней самой, но все-таки... Она показалась мне весьма общительной девушкой, – сориентировалась я, как направить беседу в нужное мне русло и получить ответы.

– Что есть, то есть, – кивнула подружка. – В общем, я с ней не так тесно общалась, особенно в последнее время. Это раньше в одной песочнице играли, я тогда ею командовала, как вздумается, ведь на три года старше! В детстве это огромная разница. Потом она мужиками увлеклась, на меня у нее не оставалось времени. Ну так, диски передавали друг дружке, и все. В подъезде столкнемся, она мне пару слов скажет, и разойдемся.

– О чем вы говорили в последнее время?

– Да о мужиках все. Ужаснее всего, что я с ней по телефону разговаривала буквально за полчаса до того, как ее... ну, харакири!

Я так и подскочила на ровном месте, а приземлившись, больно стукнулась задним местом о твердую скамью.

– За полчаса?! Что же ты молчишь?!

– Calm down, не ори, дыши глубже. Значит, так, – принялась она за рассказ. – Я была на дискотеке. Восьмое марта, сама понимаешь... Короче, было где-то начало четвертого,

и я вспомнила, что не поздравила Аленку. Это надо так нажраться было, – сокрушалась Вика о своем разгульном образе жизни, – чтобы додуматься под утро позвонить с поздравлениями бывшей подруге! Хорошо, что она не спала, а у парня торчала.

– Как его зовут, ее парня? – вспомнила я Катьку. – Фамилию его знаешь?

– Ха, знать бы, у кого конкретно она зависала на тот момент!

– У нее что, их много было? – изумленно вытаращила я глаза. – Парней?

– Ой, и не говори. Хоть о покойниках нельзя так... Но она была той еще шалавой, прости господи. Только по моим данным, у нее было два постоянных парня и пруд пруди случайных! Несмотря на свой нежный возраст, она могла первой подойти к парню на улице и тут же пойти к нему в квартиру для определенных целей! – Я ужаснулась и прикрыла рот руками. Как так можно? С совершенно незнакомым парнем? Боже, услышала бы это моя прабабушка, известная была в городе борец за нравственность! – Так что я не знаю, может, это был парень на одну ночь. Теперь не узнаешь. – Ошибаешься, Вика, я узнаю это всенепременно! – Ну, мы с ней ляля немножко, от силы пару минут, и все – оревуар.

– About what? – переключилась я на ее сленг. Дурной пример, как известно...

– О чем говорили? Так сразу и не вспомню, подожди...

Я поздравила ее с праздником, потом вроде спросила: «Ты сейчас где?» А она сказала, что сейчас у одного парня, но уже собирается идти домой. Или ехать.

– Так идти или ехать? Вика, вспоминай, это очень важно! – затряслась я мелкой дрожью и принялась теревить ручку: то надевать на ту колпачок, то снимать.

– Да не помню я! – начала раздражаться приятельница. – Какая разница?

– Большая. Если «идти» – значит, тот, у кого она была перед самой смертью, живет рядом с ее домом. Если ехать – там похуже, либо ее отвозил ее парень, либо она вызывала такси. Но довезти-то должны были до самого дома, а нашли ее у «Гиганта». Сечешь?

– Значит, до дома ее так и не довезли... Слушай, по-моему, она все-таки сказала «пойду».

Я с облегчением выдохнула: с «пойду» значительно легче. Нужно всего лишь провести луч по двум точкам: дом, где она жила (начало луча), и место, где ее обнаружили. Продолжение луча обязательно выведет на место, где предположительно живет парень, у которого она была. Предположительно – потому что она могла встретить по дороге знакомого и свернуть с намеченного пути. Что ж, выходит, этот знакомый ее и убил?

Тут меня поразила иная мысль: какой, к черту, знакомый в четыре утра? Если только не... маньяк. Он мог обманым путем затащить ее в безлюдный двор и...

– Вспомнила! – заорала не своим голосом соседка по лавочке, взоры всех десяти человек, включая меня, тут же обратились к ней. Слава всевышнему, что до ее дикого ора я уже успела домыслить все, что хотела, иначе бы логическая цепочка в моей голове прервалась, и я бы ни за что не сумела ее восстановить. – Юлька, я вспомнила, о чем мы еще говорили! Эсэмэс!

– При чем тут сообщение?

– Как раз перед моим звонком ей пришло странное эсэмэс. С незнакомого номера.

– Что было написано?

– Вообще ужас! У меня волосы дыбом встали, а уж теперь, после того, что с ней произошло... Как я могла об этом забыть?

– Ну же! Не трети мои нервы!

– Ей написали: «Хочешь умереть сегодня?»»

Так-так-так. Похоже, здесь и правда замешан убийца-имитатор. Я перевела взгляд в окно, и снова мне почудилось, будто кто-то там крадется, шевеля еле различимые во тьме листья рядом растущих кустарников. Да не, бред какой-то. Кому это надо?

Вернемся к нашим баранам. Случайно ли выбор пал на Звеньеву (и стоит ли в этом случае копаться в ее личной жизни?) или нет, и в убийстве именно Алены есть какой-то смысл? Постойте-ка, но ведь Псих в маске обладал ее номером, стало быть, она не случайная жертва, попавшаяся под

горячую руку маньяка, *они были знакомы*.

– Как может такое быть, чтобы ее номер телефона был у того, чьего номера она не знает?

– Очень даже может, – невозмутимо ответила Вика, не видевшая в этом факте ничего сверхъестественного. – Например, старый знакомый поменял сим-карту и решил попугать бывшую пассию, все же чокнулись с этой премьерой. А оно вон как вышло...

– То есть ты считаешь, одно с другим не связано? Написавший и убивший – два разных человека?

Она пожала плечами:

– Где ты видела, чтобы киллер предупреждал свою жертву о нападении?

– Но ведь шутника легко найти. Достаточно залезть в ее мобильник в меню «Входящие сообщения» – и его номер у нас в кармане. А имея определенные полномочия, можно установить фамилию, на кого зарегистрирована симка. Такие полномочия опера имеют. Конечно, это займет время, ведь нужно послать запрос, но тем не менее что им мешает?

– Мешает отсутствие самого мобильного. Менты обшарили всю территорию вокруг найденного тела – ничего. А мать утверждает, что дочь с телефоном не расставалась, и в квартире его, соответственно, нет. Да я ведь знаю, что он с ней был, сама же ей звонила!

– Значит, я была права. Зачем убийце прятать ее сотовый, ежели это вовсе не он послал ей роковое эсэмэс? Вы-

ходит, с убийцей Алена была знакома. Маньяк из фильма – лишь прикрытие, чтобы все решили, что убийца к жертве непосредственного отношения не имеет и искали неуловимого серийного киллера.

– Эй, hold your horses! В смысле, попридержи коней! Разошлась, прямо детективную новеллу сочинила. Я тебе вот что скажу, мобильник алкаш стыбзил, чтобы обменять на бутылку. – Мы немного помолчали, призадумавшись. – Юль, ты дашь мне переписать то, что на первой паре было? Я тебе завтра принесу. – Я отдала ей кучку нескрепленных листочков, пригрозив, что убью, если хоть один она потеряет. – Данке. – Я хотела переспросить, затем вспомнила, что это «спасибо» по-немецки.

На этот раз преподаватель начал читать название новой темы, еще идя по коридору, а закончил на самом пороге, никто, разумеется, ее толком не расслышал, так что ему пришлось повторить (старость не радость), да не один раз, так как новая тема оказалась куда более замысловатой в плане терминологии, чем предыдущая.

– Чего-чего? – услышав тему впервые, переспросил шутивым тоном парень с последней, десятой, парты.

– А вы сядьте поближе, – разумно предложил математик. – Мест свободных много. – И повторил тему.

– Как это пишется? – не без сарказма поинтересовалась девчонка в кожаном пиджаке. – Только по слогам.

– Я сейчас напишу на доске, – сдался старик и начал вы-

водить корявым почерком первые слова, а я, ввиду того что тему уже записала, заскучала и решила глянуть в свое любимое окно. Зря. Сердце подпрыгнуло, стукнувшись о глотку, и начало в быстром темпе скакать от увиденного мною ужаса. Я издала короткое, но весьма истеричное громкое «ах» и почувствовала, как волосы на голове начали сесть один за другим.

Прилипнув к стеклу, стоял маньяк в белой маске, держа в руках почти полуметровый широколезвийный нож. Порезанная бахромой пола темного свободного балахона интенсивно развевалась на ветру, предвкушая скорое насыщение чужой кровью.

– Мам, я спятила, – начала я с порога.

– Да? – равнодушно произнесла она, вроде бы совсем не удивившись. – И по каким признакам ты это определила, хотелось бы мне знать?

– Я совершенно ясно видела серийного убийцу в костюме и маске возле окна аудитории. Ну того, из фильма.

– Если б это и впрямь был он, тебя бы не осталось в живых. Так что брось эти глупости. – Мама вернулась к журналу и, уже не глядя на меня, добавила: – Картошка с котлетами в сковороде, иди грей.

Но идти в кухню я не спешила.

– Вика тоже его видела.

– Да? – Мать вновь отложила свое чтиво и воззрилась на

дочь.

– Ага, – кивнула я, присаживаясь на подлокотник кресла все еще обутая и в куртке. – Я сперва очень испугалась и растерялась, но потом сообразила ткнуть локтем Вику. Она только повернула лицо в ту сторону, куда указывал мой палец, как он исчез. Но она сказала, что успела его заметить.

– И что было дальше? Кто-нибудь еще его видел?

– Да нет, оказалось, что никто. Мы хором закричали, все давай спрашивать, что случилось, а пока мы объяснили, его и след простыл. Вот я и думаю, что мы с ней чокнулись. Я – потому что была на «Визге», а Вика – оттого что ее знакомую убил чертов маньяк. Но одно дело, если бы мы просто видели силуэт, а я, например, за те три-четыре секунды разглядела его во всех мельчайших подробностях, невзирая на то, что было темно. Может, мне надо сходить к психоаналитику?

Мама не дождалась, когда же я пойду разогревать себе ужин, и отправилась на кухню, чтобы сделать это за меня. Я в легкой растерянности поплелась следом.

– Знаешь, что я думаю? – Родительница включила газ и поставила на плиту сковороду, а я наконец-то сняла куртку и, сев на стул, сложила ее у себя на коленях. – Меньше нужно на занятиях по окнам смотреть. Нормальные люди в это время акцентируют свое внимание на доску и преподавателя, потому им ничего не мерещится. А ты у меня всю жизнь была невнимательной, рассеянной овцой. И как тебе еще золотую медаль-то дали?

– Ты все это правильно говоришь, – не стала я оспаривать. – Но я видела его, понимаешь? Видела! И Вика тоже.

– Я верю, что вы его видели. Но это был всего лишь пацан-балагур, желавший кого-нибудь напугать. И ему, надо признать, это удалось! Так что в следующий раз не пугайся, когда очередной ряженный придурок будет хвастать своим клинком, в то же время не предпринимая никаких боевых действий. – Родительница выложила содержимое сковороды в тарелку и поставила перед моим носом. – Ешь, овца.

Стоит ли говорить, что на следующий день, в той же аудитории, но на этот раз на экологии, все присутствующие показывали на нас пальцами и хохотали, держась за животики. Несведущим, то есть тем, кого в тот момент на занятиях не было, «бывалые» рассказывали, какой казус вчера приключился, и вот уже новые лица присовокуплялись к остальным хохочущим, вертя к тому же пальцами у висков.

Мы решили отомстить той же монетой и избрали себе первую кандидатуру для наших контрнасмешек. По обоюдному согласию ею оказалась самая ярая прогульщица лекций и довольно красивая Алиса Орловская, сидевшая на соседнем ряду. Мы, кстати сказать, сегодня устроились на среднем ряду, подальше от окон, а всего в аудитории рядов было пять.

– Фу, какая она рыжая, – начала Виктория. Я усиленно закивала котелком, несмотря на то, что волосы Орловской склонялись более к цвету «золотистый блондин», нежели к

рыжему как таковому.

– А как безвкусно одевается! – подыграла ей я. – Что это за юбка в клеточку? Моя прабабка такие носила. – Та, что боролась за нравственность. Естественно, ее юбки были раза в три-четыре длиннее той, что сейчас красовалась на Алиске.

– Она перед занятиями переспала с шотландцем, а соби-
ралась впопыхах, вот его одежду и напялила! – хохотнула
Вика. Затем, устав от дурацкой мести, полезла в сумку и до-
стала оттуда несколько листочков в клетку. – Вот прошлая
лекция, держи. Граци.

– А? – не поняла я.

– Это по-итальянски. Ну, мерси то есть.

Наконец, с десятиминутным опозданием притопала эко-
логичка. Злые языки поговаривают, будто она ведьма. Но
вид у нее соответствующий: кобылиная копна длинных чер-
ных волос с двумя широкими седыми прядями, симметрич-
но обрамляющими бледное лицо с двух сторон; пожар в вы-
пученных глазах, устремленных не на окружающий мир, как
водится, а куда-то внутрь себя; неизменный черный в крас-
ную паутинку сарафан на пуговицах (я бы даже сказала «ха-
лат», но кто же в них на работу ходит? Даже для ведьмы
это чересчур), под ним – шерстяной свитер с глухим воро-
том, а на ноги она напялила туфли сразу на две пары хлоп-
ковых носков, вторая из которых вылезала из-под первой.
В довершение образа она даже под страхом смерти не сни-
мает с шеи короткие белые пластмассовые бусы и висящий

на тонкой веревке чуть ниже груди амулет в форме паука, большого, красного и чудовищно неприятного взору, и, стоит ей сделать шаг либо всплеск руками (экологичка отличается большой эмоциональностью, особенно во всем, что касается исчерпаемых ресурсов, посему рукоплещет довольно часто) – паук подпрыгивает и слегка смещается с первоначальной точки пребывания, так что создается впечатление, словно краснотелый паук оживает и самовольно передвигается по своей красной паутине, да еще и на фоне абсолютно черной ночи. Зрелище то еще. Я однажды не поленилась спросить Таньку Грачеву, не являются ли они родственницами ввиду пристрастия к неординарному внешнему виду, впрочем, представить преподавателя в ковбойских сапогах совершенно нереально, так что это была глупая мысль.

Сегодня, пока она переступала порог аудитории и занимала свое место за кафедрой, глупая ухмылка не сходила с ее ужасного лица. Небось старый хрыч математик постарался. Сейчас начнется.

– Товарищ Образцова Ю.С.! – глянула она в ведомость. – Есть здесь такая?

– Есть! – начали все тыкать в меня пальцами.

– Товарищ Образцова, вы никого за окном не видите? – ехидным тоном обратились ко мне.

Хамить я не умею, тем более педагогам, потому просто отрицательно покачала головой.

– Точно никого? Вы уверены? Не стесняйтесь, пригляди-

тесь хорошенько. – Не понимая, чего от меня хотят, я послушно уставилась поочередно во все шесть окон и, не обнаружив там ничего необычайного, сызнава покачала головой. – Ну, нет так нет. Так-так-так... А есть среди присутствующих Ярлык В.А.? – нетрудно догадаться, что сия специфическая фамилия принадлежит Вике. – Это вообще он или она?

– Я здесь, и я она, а не он, – с вызовом ответила Виктория.

– Отлично. Вы, гражданка Ярлык, никого за окном не наблюдаете?

– Ни-ко-го, – по слогам произнесла обладательница нестандартной фамилии.

Ведьму сей ответ удовлетворил.

– Что ж, тогда мы можем начать сегодняшнюю лекцию. – Студенты загоготали. – Записывайте. Нормирование качества воды и содержание вредных веществ в воде естественных водоемов, – продиктовала она тему и понеслась: – Нормируемыми показателями являются: количество взвешенных частиц плавающих примесей...

– Подождите! – взмолилась группа, но напрасно: преподавательница не желала останавливаться, очевидно, стремясь выиграть звание самого быстрого «говорителя» мира. Или, может, она просто не знала, что пишем мы гораздо медленнее, чем она бубнит?

– ...Запахи, привкусы, кислотный РН, минеральный состав... – Паук резво скакал с одного конца паутины на дру-

гой и обратно. – ПДК установлена более чем для девяти сот вредных веществ. Способы очистки сточных вод...

Кисть уже начала каменеть, протестуя против столь быстрого и ни на мгновение не прерывающегося писания, а тут еще подала голос соседка по парте:

– Гляди-ка, что вытворяет!

– Кто? – нехотя отозвалась я, продолжая конспектировать и еще сильнее напрягая слух, чтобы суметь услышать и Вику, и Ведьму.

– Да Алиска Орловская! Ручки в сумочку складывает, зеркала достает... Сейчас смоемся! Каждый день ее задница выдерживает все меньше сидения на лекциях. – Я оторвала глаза от тетради: действительно Орловская, убрав вещи в сумку, натягивала на себя куртку. Дождалась бы хотя бы перерыва! – О боже! – завопила вдруг Вика. – Опять крыша поехала! Сколько можно? Сгинь, нечистая!

Только я собиралась спросить, чего же она так испугалась, как девчонки с крайнего ряда, с того самого места, где мы сидели вчера, завизжали в голос:

– Смотрите! Сюда, в окно!

Все, в том числе и я, и преподаватель экологии, принялись усердно зырить в то самое окно. А на нас в свою очередь оттуда пялилась вплотную прижавшаяся к стеклу белая удлиненная маска. Сначала мы просто глазели на переодешшегося маньяком человека за окном, но минуты через две Алиска, устав от этой мизансцены, поднялась со своего ме-

ста и плавно двинулась вниз по ступеням аудитории, держа курс на дверь и совершенно не предполагая, *какие* события повлекут за собой ее действия. Так вот, стоило ей сделать пару шагов, Псих в маске озверел: отбежав на секунду, вернулся к окну с бревном в руках и, хорошенько размахнувшись, выбил стекло. С оглушающим звоном оно превратилось во множество острых осколков, посыпавшихся на пол и ранивших девчонок, что сидели поблизости. Они взвыли и отбежали от окна, а переодетый маньяком хулиган забрался через пустующую раму в аудиторию. В руках его блеснуло лезвие длинного разделочного ножа. Алиса в смятении остановилась у подножия лестницы, перед кафедрой, за которой по-прежнему стояла экологичка.

– Это, наверное, мой Степа! – ошалело произнесла какая-то однокурсница со второго ряда и, точно оправдываясь, добавила: – Он у меня такой балагур!

Экологичка вышла из оцепенения:

– Посмотрим, как ему это поможет, когда администрация института предъявит ему счет за разбитое стекло!

Алиска облегченно выдохнула и повернулась в сторону двери, но тут маньяк, он же переодетый Степа, резко бросился вперед, обогнал Орловскую, и, остановившись, преградил ей путь. Одногруппница сделала шаг вправо, затем влево – псих зеркально отражал ее действия, так что пройти ей не представлялось возможным.

– Ну ты, урод, посторонись! – не выдержала девушка. В

следующую секунду, замахнувшись, маньяк с легкостью во-
гнал свой остро заточенный нож прямо в живот Алисе, тот
проткнул ее насквозь и, выйдя из спины, поменял свой цвет
с серо-стального на блестяще-алый, омывшись свежей кро-
вью. Орловская глухо вскрикнула, мне было видно, как силь-
но раскрылись ее глаза в последний миг жизни и тут же по-
тухли навсегда. Нанизанное на нож тело обмякло, а Псих в
маске стал вертеть рукой из стороны в сторону, показывая
сидящим труп сокурсницы во всей красе, с каждого ракурса.
Как будто и без того не было страшно! Рассматривая во все
глаза тело еще минуту назад живой Алисы, все учащиеся от
охватившего сознания ужаса хором завизжали, а я задума-
лась. Мама велела не пугаться ряженных придурков, но в том
случае, если они не предпринимают боевых действий. Мож-
но ли расценить беспочвенное убийство молодой красивой
девушки как воинственно настроенный поступок? Можно,
решила я и присоединила свой голос к вопящим.

Убийца, который оказался именно убийцей, а не переоде-
тым шутником, медленно, с наслаждением обводил взгля-
дом присутствующих, намечая себе следующую жертву. От
этого становилось до дрожи во всем теле холодно и до ломо-
ты в суставах страшно. При любом повороте его головы ка-
жется, что он смотрит сейчас именно на тебя. Что он выбрал
именно тебя. Что он *убьет именно тебя*.

Глава 4

Экологичка так и стояла за кафедрой. Маньяк, ничуть ее не опасаясь, спокойно поворачивался к ней спиной, наблюдая за студентами, всеми сорока-пятьюдесятью людьми одновременно. Хотелось крикнуть ей: «Дай ему чем-нибудь по башке!» Но он бы услышал, какой тогда смысл кричать? Предупрежден – значит, вооружен. Хотя он и без того вооружен неплохо.

Ведьма совсем не пользовалась своим, казалось бы, выгодным положением. Или она пребывает в шоке и пока не осознает, что положение у нее одной выигрышное? Конечно, стукнуть по голове все равно нечем, но, думаю, на ее месте я бы попыталась что-нибудь сделать. Пробраться, допустим, к выходу и бежать за помощью. На моем вот месте единственное, что возможно, – это сидеть, молчать и бояться. **Смерти.** Чьей-либо или же своей собственной. А она только сняла свои дурацкие бусы и начала их перебирать, словно четки, закатив зрачки высоко к потолку, что их даже не стало видно, и бурча себе под нос какое-то заклинание, как будто это могло как-то помочь!

Убийца же насмешливым взглядом обводил сидящих студентов, боящихся за свою жизнь и трясущихся от липкого ужаса; он упивался своей властью и радовался такому богатому выбору, которого даже на рынке не встретишь. Нако-

нец, когда я уже, схлопотав от всего происходящего озноб, быстрыми темпами перерастающий в лихорадочную трясучку, стала мысленно подгонять киллера: «Ну, давай же, не тяни. Ладно, пусть это буду я, но только сделай это скорее! Убей меня, чтобы этот кошмар закончился!», потому что тупо сидеть и ждать незнамо чего больше не было сил, ибо ожидание плохих событий всегда страшнее самих событий, Псих в маске определился в выборе и ринулся к цели между рядами, предусмотрительно замахнувшись ножом. Девчонки повскакивали с мест и с громкими криками ломанулись к выходу, а Вика стала меня выпихивать, потому что маньяк выбрал, к сожалению, тот ряд, что был с ее стороны. Поняв, что жертвы разбегаются, кто куда, Убийца в белой маске разозлился и одним рывком бросился к нашей парте. В воздухе просвистел звук движущегося клинка, а прямо у меня над ухом кто-то громко охнул, потом уже сзади пару раз вскрикнули, но мне было не до этого, я неслась к выходу, подаввшись стадному чувству, а также инстинкту выживания, и боялась новых криков, ведь вполне возможно, что следующим криком будет мой собственный.

В коридоре я опомнилась и, остановившись, огляделась по сторонам. Рядом со мной очутились те девчонки, что сидели сзади и на которых вначале нацелился маньяк. Они, как и я, замерли, чтобы отдышаться и прийти в себя. Слава богу, обе были живы, но одну маньяк успел слегка задеть.

– У тебя кровь, – показала я на ее руку.

– Ничего. Той девчонке пришлось намного хуже.

– Какой девчонке? – испугалась я. Поток рвущихся наружу студентов давно иссяк, а Вики все не было. Но, может, я преувеличиваю, и она успела убежать далеко вперед, ведь я неслась, ничего не видя перед собой, и могла ее не заметить.

– Той, что с тобой сидела.

Они побежали дальше, на выход, а у меня защемило сердце. Вика!

Пару раз выкрикнув ее имя и ничего не получив в ответ, я скрепя сердце отправилась назад, в **логово ада**.

Ярлык лежала на полу с кровоточащей колото-резаной раной в боку; препод по-прежнему бормотала что-то невнятное и неразборчивое для уха нормального человека (я сумела вычленить лишь «ахалай-махалай», но, может, от стресса почудилось), перебирая бусинки одну за другой, но на этот раз она уже не стояла, а сидела в углу; парень из параллельной группы, один из трех имевшихся на нашем курсе, пытался отвлечь маньяка на себя призывами типа:

– Эй, ты! Бросай свой долбаный нож, давай поборемся, как настоящие мужики! На кулаках! – но близко подходить боялся, все-таки противник был вооружен. Сам маньяк не обращал на парня ни малейшего внимания, продолжая кромсать уже десять минут как бездыханную Алису Орловскую.

– Вика! – крикнула я в который раз, уже находясь на пороге аудитории. Но приятельница не очнулась. А вот маньяк

– очень даже. Прекратив маниакальные терзания и без того донельзя изуродованного трупа, он с любопытством уставился на меня. Однако утверждать не берусь насчет любопытства, все-таки на преступнике была надета маска, я ощущала его настроение чисто на интуитивном уровне. А выражение маски было застывшим, изображавшим что-то сродни смертельного ужаса. Как будто сама Смерть чего-то испугалась и в данный миг издала свой последний громкий визг, прямо под стать названию фильма.

«Что за идиотка решила вернуться? – очевидно, думал убийца. – Она считает меня недостаточно страшным для того, чтобы нестись отсюда сломя голову?» Но мне было на него плевать. Мне было не плевать на Вику.

Парень, которого звали, если не ошибаюсь, Олегом, воспользовавшись тем, что киллер отвлекся на меня, осторожно приблизился сзади, но что он задумал, мне узнать не удалось, так как Псих в маске обладал редкостной реакцией и координацией движений. Обернувшись, он резко задрал ногу и ударил ею парня по левой части головы – тот отлетел за тридевять земель. Странно, что убийца не пустил в ход нож. Да и экологичку нашу не тронул – еще одна загадка.

Псих продолжил кромсать то, что осталось от Алиски, неясно чем ему приглянувшейся, а Олег, вскочив, ринулся к выходу, попутно схватив меня за руку и волоча за собой.

– Отстань! – рьяно отбивалась я. – Там Вика!

– Ты ей не поможешь. Вот выберемся отсюда и вызовем

«Скорую».

Но я продолжала сопротивляться, наконец, мне удалось вырваться, тогда он со словами:

– Тебе жить, что ли, надоело? Нет уж, хватит трупов на сегодня! – схватил меня уже за волосы и насильно потащил к выходу из здания.

Голова раскалывалась, словно ее верхнюю часть начисто снесли электропилой «Дружба», но, несмотря на это, мне все же удалось убедить парня, что нам не по пути, и, миновав таким образом крыльцо института, он оставил-таки в покое мой так и не снятый скальп, побежав к остановке. Я упала на землю, не удержав равновесия, но успела подставить ладони, чтобы спасти лицо. А вот сами ладони и коленки разбила в кровь. Додумалась напялить сегодня юбку! Никогда не надевала, и на тебе, в самый неподходящий для этого день! На что я теперь похожа? Длинное пальто или тем более брюки скрыли бы это безобразие. Но я же не виновата, что на улице не по-мартовски тепло, поэтому... Господи! О чем я думаю?! Это последствия шока?...

Тряхнув головой, будто пытаюсь скинуть с себя боль в районе волосяных луковиц, я поднялась и огляделась. Десятки людей, и студенты, и преподаватели, топтались возле крыльца, почти все пялились на меня, не пропустив наше с Олегом эффектное появление. Кто-то подбежал и что-то сказал, вроде предложил помощь, а может, утешил тем, что уже вызвали «Скорую» и полицию – не знаю, в ушах гудело, и я по-

что ничего не разобрала.

Я оттолкнула этих людей и поковыляла обратно. Ноги не желали сгибаться и на все попытки идти отзывались острым, нестерпимым покалыванием в коленных чашечках. Разодранные в кровь и исцарапанные о неровный асфальт ладони горели, точно их прижигали каленым железом, да и голова не переставала раскалываться. И как, скажите на милость, я, такая больная и раздавленная, собиралась вступать в схватку с вооруженным маньяком, умеющим к тому же недурно драться? Но мне было все равно, что он со мной сделает, я должна была хотя бы попытаться помочь Вике, своей подруге. Это был мой долг.

Вернувшись в проклятую аудиторию, я застала все ту же картину: экологичка – в углу с бусами, маньяк разделяет труп Алисы. Точно с такой же сосредоточенностью шестилетний малыш собирает конструктор «Лего». Увидев меня, Убийца в маске среагировал неадекватно, по крайней мере, совсем не так, как я ожидала: кинулся, но не на меня, а в разбитое окно. Почему-то бегство противника придало мне силы, а также желание борьбы и законной вендетты. Убийца должен быть наказан во имя справедливости.

Я подбежала к лежащей на полу Вике и, увидев, как она открывает глаза и стонет, потихоньку приходя в себя, крикнула Ведьме:

– Позаботьтесь о ней! – а сама бросилась вдогонку.

Неровные острые края разбитого стекла порвали мою но-

вую куртку, поцарапав заодно и предплечья, но я уже не чувствовала боли. Я чувствовала лишь желание мстить.

Словно Геркулес, я с легкостью подхватила массивное бревно, то самое, коим Псих в маске и разбил окно аудиотории, и побежала следом, с трудом различая движущуюся впереди тень и окончательно позабыв о разбитых ладонях, коленках и гудящей голове. К сожалению, погналась я за ним слишком поздно. Через миг убийца нырнул в стоявшую на обочине машину и завел мотор; габаритные огни загорелись, но с такого расстояния ни номера, ни тем более марку разглядеть мне не удалось. Не хватило каких-то десяти метров, всего пары-тройки секунд!

Автомобиль резво вырулил на дорогу и начал набирать скорость, а я, чувствуя, что проигрываю эту схватку, от обиды из последних сил замахнулась тяжеленным бревном, дабы кинуться им в ускользающую из вида машину, но двадцать пять килограммов дерева потянули мои пятьдесят куда-то назад и через несчастное мгновение я вновь очутилась на земле.

* * *

Два дня назад

Встреча была назначена на пять часов. Она немного опоздала, но в условленном месте, на крайней справа скамье, воз-

ле громоздкого мраморного памятника известному писателю золотого века, ее никто не ждал. Девушка присела и закурила. Пальцы тряслись нервной дрожью, в уголках красивых глаз искрились на солнце еле сдерживаемые слезы, а пепел сыпался прямо на недавно купленные голубые джинсы, но эту оплошность девушка упорно не замечала. Прохожие одаривали ее сочувственными взглядами, говорящими: «Бедная девочка, что у тебя случилось?», но ей на это тоже было наплевать.

Наконец, проходящий мимо мужчина, одетый серо и неброско, кинул ей на колени тугой сверток и поспешно удалился, ни разу не обернувшись. Она сначала меланхолично докурила уже третью сигарету, затем взяла в руки сверток. Непрозрачный тонкий пакет был перевязан резинкой, которую она и стащила с него, развернула и вытянула из пакета белый конверт.

– Ну, с богом, – сказала она сама себе, хотя была атеисткой, и извлекла из конверта пестрые картонные карточки. Это, безусловно, были обещанные фотографии. Пролистав все до последней и сложив пачку на коленях, она зарыдала и принялась истерично стряхивать их с себя, как какой-то мусор или грязь, приговаривая: – Нет, нет, не может быть...

Фотографии, кружа, разлетелись на небольшое расстояние, детишки, выгуливаемые заботливыми мамашами, тут же стали их подбирать и играть, точно с бумажными самолетиками.

– Птенчик, положи на место! – налетели мамы с одной и той же фразой каждая к своему ребенку. – Сколько раз говорила, не бери ничего с земли!

Сидевшая на крайней справа скамье девушка этого тоже не заметила. Она продолжала плакать, размазывая слезы вместе с тушью по лицу.

Это был конец. Ее конец. Жизнь окончена, и спасения не будет. Сколько у нее осталось дней? Два, три? Может, неделя? Но это уже неважно. Важно другое: впереди у нее только одно – **смерть**.

* * *

Сегодня

– Так какого, говорите, цвета машина была?

– Темного. Темного цвета. А может, и не очень темного, но явно не белого.

– Отлично, – потер руки мент, насмешливо глядя на меня и всячески издеваясь. – Осталось только найти автомобиль **не** белого цвета, и убийца у нас в кармане!

Я ощущала себя так, словно выдержала Ледовое побоище, притом что и наши, и крестоносцы в своих тяжеловесных доспехах – все сражались против меня одной. Короче говоря, скверно я себя ощущала. Да и выглядела, наверно, соответствующе. Нет бы пойти домой, прийти в себя, смыть всю

грязь и обработать раны йодом вместо того, чтобы терпеть все эти недоверчиво-насмешливые взгляды. Кто додумался вызвать ментов? И почему я не успела убежать, как все, до их приезда? Хороши тоже одноклассники, в полицию позвонили, а самих – ветром сдуло, теперь у них свидетели – я да Ведьма. И, бросив взгляд на по-прежнему сидевшую в углу экологичку, уже давно распроважавшуюся со своей вменяемостью, может, еще при самом рождении, поправила сама себя: «Точнее, свидетель один – я». У Вики подавно ничего не спросишь, ее на «Скорой» увезли сразу в операционную. На ком же еще ментам зло срывать? Осталось лишь на мне.

Мы сидели в той же аудитории, и я по сотому разу пересказывала все недавнишние события, а они по тому же сотому разу мне не верили, не забыв даже осведомиться, а нет ли у меня справки об инвалидности. Я ответила, что с собою нет, мне ее родители на руки не дают, не положено. Слава богу, мужики осознали, что я шучу, и пригрозили кулаком. Это еще что, вот если они свяжутся с теми ребятами, что Ромкин подарок «разминировали», тогда меня точно упекут.

Экологичка так завывала свой «ахалай-махалай», что мешала всем не только слышать друг друга, но даже думать.

– Нет, я больше не могу! – сорвался один из ментов – щетинистый парень лет двадцати трех. – Уберите ее куда-нибудь! Вован, вызывай «психиатричку»!

– Брось, еще «психиатрички» нам не хватало. Попоем-попоем и перестанет, – предположил Вован. – Самой же надо-

ест. Она что, колдунья у вас? – обратился он уже ко мне. Я еле заметно кивнула, будучи не в силах произнести ни слова, так я устала. – Понятненько. Итак, вы утверждаете, что однокурсник пытался ударить предполагаемого убийцу? – На слово «предполагаемого» я обиделась и ничего ему не ответила. – А когда ему это не удалось, вы вместе с ним покинули здание. Но вдруг, – продолжил он торжественно, – вспомнили о своей бедной, несчастной подруге, которую лишь вы могли спасти, и вернулись в стан врага, размахивая картонным мечом!

И все четверо заржали.

– Но к вашему величайшему огорчению, – продолжил тот, кому больше всех мешала жить наша экологичка, – маньяк не пожелал с вами драться и, трусливо поджав хвост, бросился наутек. Какой недобросовестный попался маньяк! – Они снова синхронно заржали. – Но вы всерьез настроились его проучить, потому выпрыгнули в окно, схватили здоровенную деревяшку и ринулись в погоню!

Если опустить экспрессию, то в целом все так и было, потому я согласно кивнула и, черкнув в объяснении: «С моих слов записано верно, мною прочитано», там же расписалась. Однако мне никто не собирался верить, они даже провели следственный эксперимент, заставив меня поднять бревно; я, нечего и говорить, на сей раз не смогла, что меня ничуть не удивило: во-первых, сказалась усталость, во-вторых, я действовала тогда, выражаясь юридическим языком, в состоя-

нии аффекта, а некоторые, как гласят факты, еще и не такое вытворяли в вышеуказанном состоянии.

– Послушайте, – нарушила я свое гордое молчание, – я понимаю, насколько дико звучит мой рассказ, но это чистейшая правда, и сколько бы раз вы не переспрашивали, я своих показаний не изменю.

– Хорошо, – посерьезнел мент. – Назовите имя и фамилию того молодого человека, что вынес вас из этой аудитории.

– Я не знаю его фамилию, – растерялась я. – Зовут, по моему, Олег.

– По-вашему? – вспомнил он о сарказме, как о неотъемлемой части своей личности. – Как же так, гражданочка? Два года вместе отучились.

– Господи, он посещает лекции раз в полгода! – стала я оправдываться. – Я хорошо знаю тех, кто постоянно ходит в институт, а тех, кто не ходит, – увы!

– Ну хорошо, допустим. Почему, как вы думаете, он не хотел позволить убийце полностью расчленить тело жертвы?

Ну и вопросик. Какие мне сны после этого будут сниться? Да и усну ли я вообще?

– Она ему нравилась. Так что это было вполне естественное желание.

– Откуда знаете, что нравилась? – тут же насторожились стражи порядка, почуяв след.

– Ну... – протянула я. – Это было заметно. В те несколько

дней, что он присутствовал на занятиях, он так и вертелся возле нее. Она никогда не досиживала лекции до конца, и, как только она выходила, он выдерживал не более пяти минут и тоже сбегал. Мы еще посмеивались.

– То есть они состояли в интимных отношениях?

– Откуда ж я знаю? Вы такие вещи спрашиваете... – по-дивилась я этому народу. – И вообще, чего вы ко мне прицепились? Мне домой надо.

– Могу сказать, чего мы прицепились. Хочешь знать, как дело было? Бросила твоего Олега ваша красавица, вот он и заколол ее сгоряча. А так как вы все любви особой к ней не питали, может, завидовали, может, еще чего, вот и сговорились всем курсом его покрывать. Придумали маньяка, а мы, значит, ищи сами не знаем чего! – Его злые маленькие глазки хотели увидеть меня насквозь, запугать, припереть к стенке. Не дождетесь.

– Ах так? А Вика Ярлык, что сейчас в реанимации, тоже его бросила, да?

– Ей не повезло, рядом стояла, – сориентировался мент. – Вот и попал ей в бок.

– А другие студентки, что с порезами на руках домой побежали? Им всем он тоже случайно угодил ножом?

– Их мы не видели.

– Конечно! – нервно засмеялась я. – Зачем ловить маньяка, тратить время и силы, когда Олег – вот он! Сажай не хочешь! Осталось повесить на него первую убитую, Алену Звечу!

ньеву, видать, она его тоже бросила!

Они опешили, их лица перекосила злоба, а я хотела припугнуть их Бориской, но тут...

– Ахалай-махалай-лай-лай!! – неестественно громко завела свою шарманку экологичка, перед этим немного помолчав. Видимо, собиралась с силами. – Ой, люли-люли!! – Амулет с ее шеи перекочевал в руку, и теперь она широко размахивала им, точно лассо. Бусики скромно валялись рядом на полу. – Калина красная-а... я! Я! Я! Я-а-а-а!!

Калину красную офицеры вынести уже не могли и переключились на преподавателя экологии, а я, пользуясь возникшей суматохой, смылась домой, встретив по дороге фургон с надписью «Телевидение». Хорошо хоть, в их лапы не попалась! Еще бы пара минут, и меня в таком чудесном виде транслировали бы по всем каналам, а внизу экрана маячила бы бегущая строка следующего содержания: «Она подняла бревно с земли и погналась за Убийцей в белой маске». Такой позор пережить я бы не смогла.

Услышав, как открылась входная дверь, мама громко спросила:

– Это ты, овца?

– Я, я!

Я прошла в комнату. У мамы на лице была огуречная маска, так что можно было не бояться, что мать подымет вой, оглядев внешний вид своей дочери. Папа уютно похрапывал, с комфортом устроившись на мамином мягком живо-

тике. Идиллическую картину образцово-показательной семьи портили лишь мои разбитые в кровь колени и ладони, двадцать «стрелок» на колготках, порезанные стеклом в нескольких местах в районе предплечья куртка и водолазка, запекшаяся кровь в этих местах, а также на затылке (так неудачно я упала вместе с проклятым бревном), растрепавшаяся прическа (заколка висела на одной волосинке) и грязь в самих волосах.

– Как у вас дела? – спросила я. – Есть какие-нибудь новости? – Хотя у самой этих новостей было хоть отбавляй.

– Надька приходила. Прикинь ее сына с невесткой залили три дня назад. Все этажи в доме затопили! Вот так уйдешь куда-нибудь на Восьмое марта, вернешься – бац! – все обои отвалились! Ладно, иди ешь.

Но я отправилась не на кухню, а в ванную: тело требовало смыть с себя все это безобразие.

На следующий день мы с Каткой решили посетить место первого преступления. Двор с тыла «Гиганта» выглядел отнюдь не безопасно и не мог вызвать у молодой девушки, не причисляющейся к категории бомжей, желание прогуляться по нему во тьме ночной. Оцепление вокруг места убийства в виде ленточек кое-где уже пообрывали, так что мы беспрепятственно сумели туда проникнуть и, встав ногами ровно в середину площадки, где, скорее всего, и находился труп, изобразили на лицах выражение глубокой задумчивости. Стояли так довольно долго, наконец, Катя, тряхнув

длинными вьющимися каштановыми волосами, произнесла совсем не в ту степь:

– Я собралась работать. Позвонила в салон сотовой связи, завтра пойду на собеседование.

– А как же институт? – проявила я интерес к чужому незавершенному высшему образованию.

– Там работа сменная. Когда во вторую смену, буду успевать ходить в институт. Да я и так далеко не каждый день посещаю занятия, ты же знаешь. – В этом мы с подругой отличались. Я серьезно относилась к образованию и очень редко прогуливала. Я кивнула, и мы немного помолчали. Затем Катя выдала: – Парень убитой живет либо в том доме, либо в этом.

Рядом с нами всюду разрастались кустарники, чуть поодаль – табачный киоск, который уже давно не работал, а уже за ним повернули к нам свои бока две похожие друг на друга пятиэтажки. В них-то и тыкала сейчас Катька длинным красным ноготком, мысля при этом крайне здраво: в радиусе пятисот метров ни одного иного жилого дома или гостиницы не предвиделось. По этой причине мы всем торсом к данным пятиэтажкам развернулись и принялись с особой тщательностью на них пялиться, лелея в душе надежду, что прямо сейчас между ними протянется огромный белый плакат, и яркими синими или красными буквами на оном будет выведено ФИО убийцы. Собственно говоря, мы бы не отказались от любого другого пояснительного знака, но ФИО все-таки

предпочтительней. Такой уж у нас, у русских, менталитет: любим вылавливать рыбку из пруда, не прикладывая к этому ни малейшего труда. А так случается ну очень редко.

– Вполне вероятно, – одобрила я ход Катькиных мыслей.

– Не вероятно, а точно! – обиделась Любимова, ненавидевшая, когда в ее смекалистости и доводах сомневались. – Иначе какого рожна она бы сюда приперлась?

– Она могла просто сократить путь через этот двор, но начальная точка при этом была чуть дальше.

– Нет, чуть дальше освещаемый фонарями сквер, и сколько угодно асфальтированных тропок. Если бы она шла из любого другого дома любой другой улицы, то сюда бы вообще не заглянула. – Я представила себе карту местности, сильно поднапрягшись. А ведь и правда! Если б я лучше знала родной город и не страдала топографическим кретинизмом, сразу бы пришла к такому же выводу, как и Катька. – Так что, скорее всего, она шла двором к дороге, – продолжила подружка. – Я купила в переходе метро два журналистских удостоверения. Придется нам под этим прикрытием прошерстить все-все квартиры данных пятиэтажек.

Резон в этом был, но проводить настолько массовое мероприятие не хотелось, потому я пожала плечами.

– Привет, – неожиданно услышала я за спиной и, вздрогнув, резко обернулась, а увидев Ромку, вскрикнула и зажала рот руками. Выглядело это слегка театрально, но я и в самом деле струхнула: вот ведь нечистая его принесла. – Ты чего

пугаешься? – прозвучало с легкой обидой в голосе. Ромка считал себя если не красавцем, то вполне симпатичным перцем, и совершенно не был готов к такой реакции на себя любимого. Он-то не знал, что у Бориски на подозрении. Да и у меня, наверно, тоже...

Любимова вопросительно уставилась на меня: сразу, мол, будем умирать или еще поборемся, из чего я заключила, что и у подружки мой парень был на особом счету. Я покачала головой, вспомнив Конституцию и ее сорок девятую статью: мы пока не имеем права считать его убийцей, только суду даны полномочия доказать это или окончательно опровергнуть.

– Привет, – ответно поздоровалась я, придя в себя. – А что ты тут делаешь?

– Как что? На обед иду с работу. Я живу тут. Вон он мой дом, справа который. – При этих словах Роман показал на – да-да! – одну из отмеченных нами пятиэтажек. Мы с Катей угрюмо переглянулись: выходило, что погибшая Звеньева с пятидесятипроцентной вероятностью шла к месту своего убийства из дома моего нового знакомого...

Глава 5

– А ты чего здесь? – продолжал между тем Ромка, мгновенно ставший еще более подозрительным.

– А мы здесь... – я покосилась на подружку, та показала жест пальцами, означающий «иду». – Гуляем? – вопросительно произнесла я. Катя едва заметно кивнула.

– Ты у меня спрашиваешь? – удивился бойфренд, сделав ударение на слове «меня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.